

БОЛЬШОЙ СЕКС
В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Большой секс в
маленьком городе
Серия «Ольга Рязанцева», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119799

Большой секс в маленьком городе: Повесть.: Эксмо; М.; 2004

ISBN 5-699-06862-7, 5-699-06866-X

Аннотация

Не очень-то приятно обнаружить в багажнике собственного автомобиля труп. Впрочем, Ольгу Рязанцеву таким сюрпризом не удивишь. С тех пор как она взялась за поиски пропавшей девочки, трупы стали ей попадаться с удручающей монотонностью. Однажды так целых три – аккуратно закатанные в бетон. В конце концов она выяснила, кто в городе любит игры с садистским уклоном. Но прямых улик нет. Значит, их надо добыть во что бы то ни стало. И Ольга едет в подозрительное местечко, где ей назначил встречу какой-то незнакомец...

Татьяна Полякова

Большой секс в маленьком городе

Свет фар вырвал из темноты две мужские фигуры. Пряча от проливного дождя под одной на двоих курткой, которую они держали над головой наподобие зонта, парни попытились от проезжей части, стараясь уберечься от брызг изпод колес моей машины, хотя и так успели вымокнуть до нитки. Один отчаянно замахал рукой, призывая меня к состраданию, а я было проехала мимо, но почти сразу сбросила скорость. Довольно глупо брать попутчиков в два часа ночи, в проливной дождь, когда хороший хозяин собаку из дома не выгонит, тем более что парней двое, а я девушка молодая, привлекательная (пока не познакомитесь со мной поближе), на дорогой машине, способной ввести в соблазн неокрепшие души. Но парни выглядели такими несчастными, а я не из робкого десятка.

Возможно, была и еще одна причина: в моей жизни последнее время ничего не случалось. Ни хорошего, ни даже плохого. Оказывается, это действует угнетающе.

Я сдала назад, такса по имени Сашка, развалившийся на соседнем сиденье и до той поры дремавший, поднял голову и с удивлением оглянулся.

– Давай поможем людям, – предложила я, точно оправдываясь. Сашка вздохнул и настороженно замер, ожидая, что последует за этим.

Я посигналила, привлекая внимание парней, которые, решив, что им со мной не повезло, поспешно укрылись под деревом, но, увидев, что машина остановилась, бросились к ней со всех ног.

– Спасибо, – пробормотал тот, что первым влез в спасительное тепло, торопливо устраиваясь на заднем сиденье, второй сунул мокрую куртку под ноги и захлопнул дверь.

Парням было лет по двадцать, может, чуть больше, один шатен с бородкой клинышком, смышленным лицом и поси-невшими от холода губами. Второй казался постарше, русые волосы липли ко лбу, который украшала нешуточная ссадина, бровь у него тоже была рассечена, но рана уже успела затянуться и превратилась в тонкий белый рубец. Губы похожи на лепешку, распухли, хоть и не кровоточили, пару зубов он наверняка утратил. Судя по всему, не так давно парень побывал в потасовке. Сашке он не понравился, пес глухо зарычал, а я спросила:

– Куда?

– На Владимирский проспект, – ответил тот, что с бородкой, – а потом, если можно, на Рабочую. Мы заплатим, – поспешно заверил он и полез в карман.

– Не надо, – отмахнулась я, трогаясь с места.

Парни сидели тихо, не произнеся больше ни слова. Тот,

что с разбитым лицом, зябко ежился, несколько раз с тревогой он оглянулся в заднее стекло. Может, кого ограбили или это просто естественное желание оказаться подальше от того места, где тебе надавали по физиономии. Монотонно работали «дворники», я сделала звук приемника погромче, Сашка продолжал глухо рычать. На светофоре я свернула на Владимирский проспект, и вскоре парень с бородкой попросил:

– Вот здесь остановите, пожалуйста. – Я остановилась возле гастронома. – Пока, – сказал он приятелю, пожал ему руку и бегом бросился в арку, что была метрах в тридцати отсюда. Взгляды, которыми обменялись парни на прощание, были испуганными, что-то их тревожило.

«Это не мое дело», – напомнила я себе, разворачиваясь, чтобы попасть на Рабочую, на светофоре надо было свернуть направо.

– Хорошая тачка, – подал голос парень.

– Хорошая, – согласилась я.

– Наверное, очень дорогая.

– Наверное, – не стала я спорить.

– Не боитесь одна ездить? – вновь спросил он.

Я обернулась и ответила с усмешкой:

– Тебя не боюсь. А ты сам себя считаешь страшным?

Он засмеялся, по-мальчишески заразительно.

– Я вас узнал. Еще по тачке надо было догадаться, ваш «Феррари» один такой во всем городе.

То, что гражданам знакома моя физиономия, ничуть не-

ня не удивило. Не так давно я часто мелькала на страницах местных газет и в теленовостях, разумеется, тоже местных, поскольку являлась замом Деда по связям с общественностью (так по крайней мере это звучало), а Дед здесь царь и бог в одном лице. Мы довольно долго терпели друг друга, потом не сошлись во мнениях по ряду вопросов (мы и раньше не сходились, но мне было на это наплевать, пока однажды я не решила, что он перегнул палку). В общем, я покинула дом с колоннами и неизбежной ковровой дорожкой на лестницах и теперь обреталась на вольных хлебах, то есть, говоря попросту, бездельничала, тем более что денег, благодаря тому же Деду, у меня пруд пруди, и я могла не думать о хлебе насущном.

– Вашу собаку Сашкой зовут? – продолжил парень, поглядывая на моего четвероногого друга.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я чужой прозорливости.

– Это все знают, – хмыкнул он, подтверждая мои подозрения, что в народе обо мне ходят легенды. Я пожала плечами и решила сказать ему в ответ тоже что-нибудь малоприятное.

– Где тебя так отделали?

– Разве это отделали? – хмыкнул он. – Видели бы вы их... Какие-то придурки пристали возле пивнушки.

– Твоему приятелю досталось меньше.

– Он – каратист, – заявил парень с таким видом, точно сообщал, что тот сам господь бог.

Я свернула на Рабочую и слегка притормозила возле но-

вых, недавно заселенных домов, но парень молчал, и я поехала дальше. Улица неожиданно обрывалась, впереди, прямо под холмом блеснула река, слева темнело двухэтажное сооружение, назвать которое домом язык не поворачивался, кажется, бывшая казарма бывшей фабрики «Красный шляпник» (и такое было в родном городе). Я-то думала, что старых построек здесь совсем не осталось, все вытеснили многоэтажки, которые росли как грибы после дождя, но казарма, вне всякого сомнения, была обитаема, над крыльцом горела лампочка, в ее свете видны были занавески на ближайшем окне.

– Ты здесь живешь? – спросила я. Парень растянул разбитые губы в широчайшей улыбке.

– Нет, у меня скромнее... Денег правда не надо?

– Обойдусь, – отмахнулась я.

Парень подхватил куртку и бегом припустился в сторону казармы, однако обогнул крыльцо и скрылся в темноте за этим богом и властями забытом сооружением. Я поехала домой, не особенно спеша. Дома нас никто не ждет, спать не хочется, так что можно еще немного поболтаться по улицам города.

Я люблю свой город ночью, особенно в дождь. Фонари, отражение огней в лужах на асфальте... Сашка робко тявкнул, и во мне проснулась совесть.

– Ладно, псина, поехали спать.

Меня ждал сюрприз: подъезжая к дому, я увидела, что в гостиной горит свет.

– У нас гости, – сообщила я Сашке, теряясь в догадках: кого принесло в такую пору? Ключи от моего жилья есть у Деда и у Ритки, еще парочке моих знакомых ключи вовсе ни к чему. Кто бы это ни был, сейчас я отнюдь не расположена его видеть. Но моим желанием, как всегда, не заинтересовались.

Я въехала в гараж, который был тут же, в подвале, распахнула дверцу машины, Сашка вперевалку побрел в холл, пользуясь тем, что дверь в холл я оставила открытой. Выключив свет, я последовала за ним.

Холл был погружен в полумрак, узкая полоска света пробивалась из гостиной. В кресле возле камина сидел Дед и читал книгу. Услышав нас, он снял очки, которыми с некоторых пор вынужден был пользоваться, и бросил книгу на журнальный столик. Я с радостью убедилась, что это Трудовой кодекс. Не знаю, что бы я пережила, обнаружив Деда с романом в руках. Мое убеждение, что мир незыблем, наверняка бы пошатнулось, а я по натуре консервативна и не люблю перемен. К счастью, Дед их тоже не жалуется.

– Как дела? – спросил он, приглядываясь ко мне.

– Нормально, – ответила я, подошла и поцеловала его, как любящая дочь, раз уж ему пришла охота последнее время быть мне отцом родным.

Отношения у нас непростые, я бы даже классифицирова-

ла их как чертовски запутанные. Дед – вдовец, еще несколько месяцев назад у него было столько любовниц, что он их всех по именам не помнил, хотя на память не жаловался. Я сбивалась где-то на втором десятке, втайне гордясь, что Дед у нас такой молодчина, несмотря на возраст. Но он вдруг кинулся в иную крайность: все его подруги внезапно испарились, хозяйством ведала почтенная дама, которая была старше Деда на пару лет, а он по вечерам зачастил ко мне. Но никаких попыток возобновить наши отношения не предпринимал, я имею в виду любовные отношения. Было время, когда я не мыслила своей жизни без него, а теперь только досадливо кривилась, в основном потому, что ни минуты не верила, что он способен видеть во мне дочь своего друга, которая и ему почти что дочь, даже не почти что, раз у него своих детей нет. Я не без основания подозревала его в том, что он в очередной раз пудрит мне мозги.

Дед уже несколько раз затевал разговор, что жить нам следует вместе, под одним кровом, так сказать. Пассаж о том, что он будет с радостью держать на коленях моих детей от чужого «дяди», довел меня до слез умиления. Правда, я несколько не сомневалась: стоит «дяде» появиться – и моему «папуле» это вряд ли понравится. Когда я начинала размышлять обо всем этом, становилось так тошно, хоть волком вой, так что в конце концов я решила не забивать себе голову.

Дед взял меня за руку, притянул к себе и сказал:
– Хорошо выглядишь.

– Спасибо.

– Я привез пирожных, какие ты любишь. Выпьешь чаю или ты где-то поужинала?

«Нет бы прямо спросил: где меня черти носят?»

– Чаю выпью с удовольствием, – завершила я его и побрела на кухню. Через минуту там появился Дед. Я взглянула на часы, вряд ли в такое время он поедет домой, машину отпустил, выходит, у меня останется. Останется и останется, утром сварю ему кофе. – Ты почему не позвонил? – все-таки спросила я. Дед в конторе появляется ровно в девять, так что не мешало бы ему хорошо выспаться.

– Не хотел нарушать твои планы, – пожал он плечами, отводя взгляд.

– Да не было у меня никаких планов, – отмахнулась я, по неведомой причине начиная чувствовать себя виноватой. Можно было бы этим и ограничиться, но Дед настороженно косился, точно не веря, и я продолжила: – Возила Ритку на дачу. Ее благоверный опять запил, впрочем, это тебе должно быть известно. – Он никак не отреагировал. Ритка была его секретаршей, которую он заслуженно высоко ценил, а ее супруг числился кем-то в администрации. Вряд ли Дед знал кем. Благоверный боялся Деда пуще смерти и показаться на глаза не смел. – Вернулись поздно, поужинали в ресторане, я отвезла ее домой и немного покаталась по городу. – Все так и было, с Риткой мы засиделись в ресторане, ей требовалось выговориться, а я никуда не спешила. Тут я произ-

вольно поморщилась, выходило, что я вроде бы оправдываюсь. С какой стати, скажите на милость, раз налицо обоюдные родственные чувства?

Дед покивал с умным видом, и мы стали пить чай. Я все-таки здорово на него злилась, в основном потому, что продолжала чувствовать себя виноватой. Как бы между прочим я взглянула на часы.

– Время позднее, – тут же отреагировал Дед, – вызову такси...

– Брось, оставайся у меня, – предложила я не без досады. Он кивнул, точно этого и ждал. Не успеешь оглянуться, как он и в самом деле здесь поселится. Я отодвинула чашку и поднялась. – Постелю тебе на втором этаже. – Он опять кивнул, уходя от моего взгляда. Я поднялась на второй этаж, где у меня две спальни, моя и гостевая, прихватив с собой Сашку. Застелив постель Деду, ушла к себе. Я слышала, как он включил воду в ванной, потом прошел в комнату напротив.

– Спокойной ночи, – сказал мой старший друг. Я сделала вид, что не слышу, завела будильник и легла, уставясь в потолок и размышляя, чему следует приписать такое поведение Деда. Догадки мои ломаного гроша не стоили, скорее всего, человеку просто неуютно в своей огромной квартире, вот он и явился в мою огромную квартиру, раз уж мы с ним близкие люди (то, что когда-то он заменял мне отца, последние несколько месяцев он вспоминает слишком часто). Я размышляла об этом, пока наконец не уснула. Глаза от-

крыла раньше, чем прозвенел будильник, и пошла готовить завтрак.

Сашка устроился перед телевизором, а я сняла с плиты кофе, когда в кухне появился Дед. Он запечатлел на моем лбу очередной отеческий поцелуй и сказал комплимент. На этот раз я поверила. Безделье, конечно, действовало мне на нервы, но благотворно сказывалось на моей внешности. Месяц назад я бросила курить, это было единственным событием за последнее время, заслуживающим упоминания. Курить, кстати, я бросила не из-за любви к здоровому образу жизни, просто хотела, чтобы хоть что-то произошло. Так и вышло у меня: улучшился цвет лица, по крайней мере мой косметолог на этом настаивает.

– Спасибо, – вяло отозвалась я на его добрые слова.

– На работу не устроилась? – спросил Дед. Вопрос риторический, если бы устроилась, он наверняка узнал бы об этом первым, не от меня, а от добрых людей, которых вокруг него пруд пруди, так что можно было и не отвечать, но я ответила, опять-таки прикидывая: просто так он спросил или у него есть определенная цель?

– Нет.

– А собираешься?

– В основном теоретически. Благодаря твоей доброте у меня столько денег, что мне жизни не хватит, чтобы потратить их. – Вот уж правда так правда. – Это как-то не способствует трудовому порыву.

– Не хочешь завести ребенка? – огорошил меня Дед. У него что с утра, с головной проблемы?

– От кого? – спросила я, сложив руки на груди и испепеляя его взглядом. Оказалось, совершенно напрасно, он не соби-
рался выяснять, с кем и как я провожу свое время, просто пожал плечами и изрек:

– Ну... в некоторых случаях это не так уж и важно. Ты как раз в том возрасте, когда...

– Я помню о своем возрасте, – не очень вежливо перебила его я. – Охота тебе болтать глупости.

Я думала, он обидится и я смогу выпить кофе в молчании, но в него с утра точно бес вселился.

– Это не глупости, – отрезал он, посуровев. Дед это умел, сразу хотелось вытянуться во фрунт и заодно покаяться в грехах, а если грехов нет, то их лучше придумать. – Кому и что ты пытаешься доказать? – Твердости в его голосе лишь прибавилось, а я присвистнула: кажется, Дед затеял разговор по душам. В нашем случае вещь совершенно бесперспектив-
ная.

– Игорь, кончай с этой бодягой, – предупредила я. Он недовольно нахмурился и огорошил меня вторично:

– Возвращайся ко мне. – Ко мне в данном случае – это в дом с колоннами и красными ковровыми дорожками, в просторечии именуемый «контора».

– Ага, – хмыкнула я. – Думаешь, как только я вернусь, так сразу появится кандидатура возможного папаши моего

будущего ребенка?

– Не делай вид, что тебя удивляет мое предложение, – разозлился он. – Чем болтаться без дела... Я очень в тебе нуждаюсь. И я уверен, что ты скучаешь по работе...

Может, и вправду скучаю? По сплетням, интригам, по лживым политикам, по прихлебателям всех сортов и мастей, что толкутся возле Деда, по ночным телефонным звонкам, склокам, сварам, оговорам, по очередной кампании против потенциальных конкурентов, по мыслям о будущих выборах, противниках, компромате и желании заткнуть недругам рты? Только Дед мог измыслить такое. Он без всего этого точно жить не может, политик до мозга костей, хотя еще один мой старший друг утверждает: Дед ничем не хуже других народных избранников, а в чем-то даже лучше. Деда хоть можно уважать за ум и твердость характера. Правда, иногда эта твердость такого сорта, что...

– Чего ты молчишь? – спросил он, тем самым прервав мои интересные мысли и его оценку как политического деятеля.

– Тебе хорошо известно мое мнение на этот счет.

– Это не мнение, а глупое упрямство. И не смотри так, ты злишься на меня, потому что я сказал правду. Ты сделала красивый жест, ушла, хлопнув дверью...

– Я...

– Выслушай, – отмахнулся он, а мне так стало даже забавно. Имея определенные интересы и желая помочь своим московским друзьям, Дед однажды зашел так далеко, что в

результате погибли люди. Народу у нас как грязи, но я сочла, что это слишком, и, как он выразился, хлопнула дверью. Кто его знает, может, он всерьез считал, что это красивый жест: мол, я не желаю иметь с этим ничего общего и умываю руки. Наверное, так и думал. А что, имеет право. На самом деле я ушла, потому что меня переполняли злость и отчаяние. Я не люблю проигрывать, а в тот раз я проиграла с разгромным счетом. Теперь ни злости, ни отчаяния у меня не было, лишь воспоминания, которые иногда являлись ночами и которые я безуспешно гнала прочь. Отчего бы в самом деле не вернуться? Не валяться на диване, разглядывая потолок, а заняться делом... Ну, если не делом... В общем, просто чем-то заняться. – То, что ты называешь принципами, на самом деле нежелание признать, что мир далеко не так прост, как нам того бы хотелось. Я думал, ты достаточно взрослая, чтобы понять это. – Дед продолжил, все более увлекаясь. Иногда он отрабатывает на мне свои агитационные речи, вот как сейчас, к примеру. Поговорить он мастер, при этом весьма убедителен. Гуру, да и только. Правда, на меня все это давно не действует. С постным видом я терпеливо ждала, когда ему надоест ораторствовать.

– Ты зачем мне денег дал? – спросила я, когда он наконец заткнулся.

– Что значит «зачем»? – хмуро переспросил он.

– То и значит. Я даже толком не знаю, сколько их у меня. Забери их назад, я начну пухнуть с голоду, превозмогу лень

и пойду работать. Возможно, даже к тебе, больше, чем ты, мне никто не заплатит. Ну как, по рукам?

– Не болтай глупостей, – возмутился он.

– Хорошо. А ты не мешай мне лентяйничать.

– Я не могу поверить, что тебя устраивает такая жизнь. Хоть бы ребенка родила...

– Не верь, только оставь меня в покое, – отрезала я. Он хотел что-то сказать, но лишь скрипнул зубами. – Машину вызвать? – после непродолжительного молчания предложила я, взглянув на часы. Он кивнул. Я позвонила, а Дед пошел бриться, оставив дверь в ванную открытой.

Демонстрируя стремление к мирной жизни, я приготовила ему чистую рубашку. Дед терпеть не мог надевать вчерашнюю, а так как последнее время он довольно часто оставался ночевать у меня, то с этим возникали проблемы. Я их разрешила очень просто: пошла и купила целую дюжину рубашек. Взяв рубашку, Дед кивнул, выражая тем самым благодарность, и ни с того ни с сего спросил:

– Как премьера?

Признаться, я похлопала ресницами, прежде чем сообразила, о чем он. Надо полагать, речь шла о моем появлении в театре с Тимуром Тагаевым. Оказывается, это событие не осталось незамеченным. Да, популярность имеет свои отрицательные стороны. Я-то думала, мы тихо-мирно отсидимся в партере, да не тут-то было. Заметили, донесли, а Дед теперь голову ломает, что это с моей стороны: просто глупость

или некий жест.

Я лишний раз посетовала на то, как изменились наши отношения. Ни словечка в простоте, точно мы не самые близкие люди, а агенты вражеских разведок. Белая горячка, одним словом.

– Лютецкая была неподражаема, – с умным видом изрекла я.

– Да? – Дед помялся, не зная что сказать. Я завязала ему галстук, подала пиджак и проводила до двери. И с облегчением вздохнула, когда он, сев в служебную машину, скрылся с глаз. Сашка робко выглянул из гостиной.

– Пошли гулять, – позвала его я и, как только мы оказались на улице, принялась жаловаться своей собаке: – Дед хочет, чтобы я вернулась. Слышишь, пес? Что ты об этом думаешь? Он считает, что безделье дурно на мне сказывается. Мол, от скуки человек способен на многое, к примеру, завести неподходящего любовника, порочащего честь и достоинство... не ухмыляйся, это не я, это Дед так думает, вот... и даже родить что-нибудь от этого самого любовника, что уж вовсе никуда не годится. Но если он вновь станет моим боссом, непременно решит, что может мне указывать, что делать и с кем ходить в театр. Такой умной собаке, как ты, объяснять не надо, как весело мы проживем, если скажем «да», оттого лучше послать Деда к черту...

Пес не терпел, когда я ругалась, вот и сейчас он недовольно отвернулся, а мне вдруг стало жаль Деда, такое часто слу-

чается по непонятной причине. Я загрустила, а пес стал тереться о мои ноги.

– Прекрати, – буркнула я недовольно и пробормотала: – Жаль парня, да не погубить бы девку.

Ближе к вечеру я заехала на мойку, отдала ключи от «Феррари» молодому человеку по имени Денис, а мы с Сашкой устроились в кафетерии, ожидая, когда можно будет забрать машину. Против желания я вновь вернулась мыслями к предложению Деда. Не хотелось сознаваться, что безделье изрядно тяготит меня. «К нему возвращаться необязательно, – думала я. – Можно просто на работу устроиться. Например, в милицию. Когда-то я работала следователем, правда недолго. Возьмут с радостью... может, без радости, но возьмут. Или в пресс-секретари податься, у меня большой опыт работы и невероятная популярность в родном городе».

Я непроизвольно поморщилась. Стоило мне представить себя спешащей в контору, как я сразу позавидовала своему нынешнему состоянию.

– Лучше я в теннис пойду играть, – пробормотала я, но Сашка услышал и поднял уши.

Наконец появился Денис, и мы побрели к машине. Я распахнула дверь, ожидая, когда пес заберется на сиденье. Проще было бы его посадить, но он этого не любит, считая подобное оскорблением его достоинства. На сиденье лежал фотоаппарат. Явно не мой. Правда, где сейчас принадлежащий

мне фотоаппарат, я понятия не имела, но этому нечего делать в моей машине, это вне всякого сомнения.

– Откуда? – обратилась я к Денису, кивнув на фотоаппарат. Он пожал плечами:

– Девчонки нашли, когда в салоне пылесосили, под сиденьем валялся.

– Да? – Я взяла фотоаппарат и повертела в руках. Обычная «мыльница», пленка на двенадцать кадров, отснято только четыре. – Девчонки ничего не перепутали? – на всякий случай спросила я. Денис обиделся:

– Конечно, нет. Что, не ваша техника? Может, оставил кто?

– Может, – согласилась я, устраиваясь в кресле. Когда и кто мог оставить здесь фотоаппарат? Я возила Ритку на дачу, но ей в голову не придет покупать «мыльницу». Кроме нее, посторонних в машине не было, не считая двух ребят, которых я вчера подвозила. Один бросил свою промокшую куртку под ноги, фотоаппарат вполне мог выпасть из кармана и оказаться под сиденьем. Для парня-студента даже «мыльница» может быть большой потерей. – Надо вернуть человеку его собственность, – вслух подумала я и решила заняться этим немедленно, благо что свободного времени у меня пруд пруди.

При свете дня переулок у Рабочей улицы выглядел еще более скверно: деревянный ящик для мусора давно сгнил,

и двор превратился в помойку, казарма походила на декорации к фильму ужасов, однако на крыльце сидела старушка, наблюдая за девочкой лет трех, которая каталась на велосипеде, обе улыбались и ничего особо ужасного в окружающем не видели. «Привычка», – пожалала я плечами, притормозив возле ветхого забора. Сашка наотрез отказался покидать машину, это место ему явно не понравилось. Я вошла в переулок, старушка, понаблюдав за мной, окрикнула:

– Вам что надо?

– Соседний дом, – ответила я и ткнула пальцем в убогое строение, видневшееся из-за угла казармы.

– Дом-то брошенный, выселили по весне жильцов, одна стена обвалилась. Слава богу, никого не пришибло. Вы из ЖКО, что ли?

– Нет, молодого человека подвозила...

– Живет там кто-то, – перебила бабка. – Бомж, наверное, хотя не похож.

К этому моменту я достигла угла дома и развалюха предстала передо мной во всем своем великолепии. Если люди жили здесь еще этой весной, им остается только посочувствовать. Дом, впрочем, язык не поворачивался назвать его так, был трехэтажным, деревянным. На третьем этаже рамы в окнах отсутствовали, взгляд радовали темные дыры, через которые можно увидеть клочья обоев и дырявую крышу, левая стена была обложена кирпичом и держалась на подпорках, правая просто рухнула, так что видны были комнаты. В

доме было два подъезда, дверь в первый распахнута настежь, лестница на второй этаж провалилась, дверь во второй подъезд заперта на замок. Я подергала его на всякий случай, но без толку. Рядом с дверью шесть звонков с фамилиями на ключках бумаги. Прочитать их было невозможно, сохранилась лишь одна: «Сидоровы», а рядом какой-то шутник вывел крупными буквами: «Добро пожаловать в коммунизм». Ни один из звонков не работал. Рядом с дверью окно, завешенное желтой шторой. Я постучала по стеклу и позвала:

– Хозяева, есть кто дома? – Довольно глупое занятие, имея в виду наличие замка на двери, но чем черт не шутит. Тишина.

Я вернулась на тропинку, продолжая разглядывать дом. В окнах второго этажа тюлевые занавески, старые, к тому же их не мешало бы выстирать, но помещение все же казалось обитаемым. «Отцов бы города сюда хоть на недельку на принудительное жительство, – зло подумала я, – с женами и детьми». Впрочем, не мне возмущаться местной властью, я-то как раз живу в огромной квартире с отдельным входом с улицы, гаражом в подвале и прочими достижениями цивилизации.

Старушка уже покинула свой пост на крыльце, девочка тоже исчезла. «Ладно, заеду позднее», – подумала я и поспешила покинуть это место, а то от моего оптимизма и чувства юмора и следа не останется.

Второй раз я появилась здесь уже вечером, в половине

одиннадцатого. Конечно, глупо было тащиться сюда на ночь глядя, но, во-первых, мы засиделись с друзьями в кафе и я отвозила одного из них на Ямскую, что находится неподалеку от улицы Рабочей, а во-вторых, по моему мнению, в столь позднее время легче застать хозяев дома.

Я оставила машину там, где и в прошлый раз, Сашка вновь наотрез отказался идти со мной, и я скроила недовольную мину, хотя считала, что он прав, приличной собаке здесь не место.

Едва я свернула за угол, как услышала сдавленный крик. Если честно, поначалу я даже не была уверена, что действительно что-то слышу, но на всякий случай замерла, настороженно повертела головой и почти убедила себя, что мне почудилось. В окнах дома, что остался позади, горел свет, но никакого беспокойства тамошние граждане не проявили. Я ускорила шаг, замок на двери отсутствовал, дверь была открыта.

Оказывается, электричество в доме было, по крайней мере на втором этаже в двух окнах горел свет. Я распахнула дверь и заглянула внутрь, в темноте угадывалась лестница на второй этаж, рядом справа дверь. Я нащупала ручку и потянула дверь на себя. Просторное помещение тонуло в полутьме, свет из окон соседнего дома с трудом доходил сюда, шторы по-прежнему были задернуты, впереди виднелась печь с плитой, у окна стол и две табуретки. Это, скорее всего, кухня. Я нащупала выключатель, но он оказался разбитым.

Я закрыла дверь и начала подниматься по лестнице. Наверху кто-то был, я слышала шорох и невнятное бормотание, точно кто-то злился и не мог сдержать эмоций. Поднималась я очень осторожно, стараясь не шуметь, и это при том, что за минуту до того собиралась громко позвать хозяев. Отчего я раздумала, объяснить не берусь. Очередная загадка русской души.

Я благополучно поднялась на второй этаж, не свернувшись и даже не споткнувшись. Дверь на лестничную клетку была распахнута настежь, свет горел в соседней комнате, дверь в которую тоже была открыта. На стене висел плакат с изображением Курта Кобейна, рядом афиша предстоящего концерта «Арии», возле двери стоял велосипед, вполне приличный, на диване лежала гитара. Но не это привлекло мое внимание, а парень, что торопливо перетряхивал вещи в допотопном шифоньере в углу. Вещей там было немного, какие-то книги, бумаги, несколько грязных футболок, которым в шкафу, по большому счету, не место. Парень злился и бормотал ожесточенно: «Черт, черт, черт...»

– Привет, – сказала я и запоздало постучала по двери, стараясь быть вежливой. Он вздрогнул и резко обернулся. Черная куртка и черная вязаная шапка делали его почему-то похожим на ворону, глаза были злыми.

– Ты кто? – спросил он, попятившись, сунул руку в карман, чем, признаться, напугал меня.

– Мне нужен один парень, если не ошибаюсь, он здесь жи-

вет. Не знаешь, где он?

Вместо ответа он развернулся и бросился бежать, пнув дверь, что находилась прямо за его спиной. При этом из его кармана с легким позвякиванием что-то упало. Я сделала шаг, увидела баночку из-под лекарства с надписью «Нюшпа» и машинально подхватила ее.

– Эй! – крикнула я ему вдогонку. Преследовать парня было глупо, прежде всего потому, что происходящее в доме меня не касалось, а потом, он все-таки парень, а я хрупкая девушка (мне хотелось так думать), догоню я его – и что? Однако доводы разума, как всегда, не подействовали, и я бросилась следом за ним. Стена в той комнате, где я теперь оказалась, обвалилась, и парень этим воспользовался. Он уже был в соседнем подъезде и теперь перепрыгивал через полуманья ступеньки, точно горный козел, спускаясь по лестнице вниз, рискуя свернуть себе шею.

– Эй! – крикнула я, перегнувшись через чудом сохранившиеся перила, парень как раз достиг входной двери, выскочил на улицу, а я в сером свете, что пробивался сквозь незакрытую дверь, увидела возле лестницы нечто, поначалу принятое мною за большой мешок. Приглядевшись получше, я чертыхнулась и достала телефон. Спускаться по сгнившей лестнице я не рискнула, вернулась в комнату, где парень рылся в шифоньере, затем в коридор, спустилась вниз и вышла на улицу. Я не удержалась и заглянула в соседний подъезд, успев за это время вызвать «Скорую» и милицию.

Парень лежал без движений. «Скорая» вряд ли ему понадобится. Мне не раз приходилось видеть трупы, и я сразу поняла, что передо мной труп. На затылке кровь, я потянула его за плечо, чуть повернула и ничуть не удивилась, узнав своего недавнего спутника. Фотоаппарат ему теперь не нужен.

Следователь был молод и то ли страдал с перепоя, то ли торопился выпить. В общем, он здорово залился, в основном на меня.

– Все яснее ясного, – ораторствовал он, – парень – наркоман. Перебрал и свалился с лестницы. Не свалился бы, так от передозировки загнулся. Они все так кончают.

– Это точно, – не стала возражать я, уговаривая себя не злиться, а главное, не лезть не в свое дело, раз оно совершенно меня не касается. Но все-таки не удержалась и съязвила: – Только упал он как-то затейливо, сначала хрястнулся затылком, потом на живот перевернулся и тогда уж лбом тюкнулся.

– Ну и что?

– Ничего. Говорю, затейливо падает.

– Очень умная, да?

– Почти что дура. А что по этому поводу думают гении?

– Я вот что думаю... – перешел он на зловещий шепот, но тут к нам подошел еще один мужчина, приехавший с ним. Лицо его было мне смутно знакомо, но фамилию я не смогла вспомнить.

– Вы утверждаете, что здесь был еще один человек?

– Утверждаю. Кстати, он потерял вот это. – Я протянула мужчине баночку с но-шпой.

– Что это? – нахмурился он, с недоумением глядя на меня.

– Лекарство, – пожала я плечами. – Очень хорошее. Называется но-шпа. От желудка помогает. У вас желудок не болит?

– Издеваешься? – ядовито улыбнулся тот, что помоложе.

– Значит, не болит, – удовлетворенно кивнула я. – Спазмы не мучают?

Ему очень хотелось ответить в том смысле, что спазмы будут у меня, если я немедленно не заткнусь, и никакая но-шпа уже не поможет.

– Что в этой банке? – спросил второй. – Действительно но-шпа?

– Действительно, – кивнула я, высыпав на ладонь таблетки.

Маленькие желтые таблетки... Их оставалось совсем немного, штук семь.

– И что это доказывает?

– То, что у парня, скорее всего, проблемы с желудком. Он поступает мудро и постоянно носит но-шпу с собой.

– И это единственное доказательство того, что кто-то еще был в доме? – хихикнул первый. – И рылся в вещах покойного.

– Вы же видели: шифоньер открыт и вещи разбросаны.

– Вещи, – фыркнул следователь. – Какие вещи? Здесь весь дом сплошная помойка.

– Насчет помойки не спорю, но тот парень что-то искал.

– Кроме тебя, этого парня никто не видел. Интересно, самой тебе что здесь понадобилось? Может, ты паренька и столкнула, в вещичках порылась, а потом придумала...

– Подожди, Сережа, – перебил его второй, потянул меня за локоть в сторонку. – Вы погибшего хорошо знали?

– Я даже не знаю, как его зовут. Вчера подвозила его на машине, дождь проливной, вот и...

– А сегодня зачем приехали? Или вам молодой человек понравился?

– Да, – кивнула я, не сдержав раздражения. – Очень. Такой милый, дай, думаю, загляну. И повод есть. Он фотоаппарат в моей машине оставил.

– Фотоаппарат?

– Да.

– У такого типа и фотоаппарат? У наркоманов ничего не задерживается, что представляет хоть какую-то ценность. Уверены, что его фотоаппарат?

– Нет, – ответила я неохотно. – Девчонки нашли на мойке, когда машину пылесосили.

– А до этого когда вы машину мыли?

– Три недели назад, – ответила я.

– Вот видите, никакой гарантии, что вещь его. Вдруг вы еще кого-то подвозили? Может такое быть?

– Может.

– Ольга Сергеевна, – ласково сказал он, – я все прекрасно понимаю, натура вы деятельная, и времени у вас сейчас предостаточно. Только ведь это не повод из обычного несчастного случая делать убийство. Парень просто свалился с лестницы. Ну и что? Такое случается сплошь и рядом.

– Ясно, – кивнула я. По-своему этот мент прав, у него, кроме этого, наверняка еще пяток убийств, а здесь все проще простого: ну и чего себе жизнь портить? – Фотоаппарат возьмете? – спросила я.

– Зачем? – удивился он. – Вы даже не знаете, кто его оставил в вашей машине.

Я сцепила зубы, с трудом сдерживаясь. Меня очень подмывало поскандальить и для начала заехать этому типу в ухо, чтобы пришел в себя. А Дед потом скажет, что у меня от безделья крыша едет и я кидаюсь на людей. Опять же, заехать парню в ухо я могу совершенно безбоязненно только по одной причине: как бы ни повернулось дело, Дед меня отмажет и за это деяние никакой кары я не понесу. То есть налицо использование своего положения в личных, пусть и не корыстных целях. Мент тоже пользуется своим положением: пытается откреститься от малоприятной работы. Ну и чем я лучше? Тем, что, со своей точки зрения, справедливость отстаиваю? «Он обязан выполнять свою работу», – разозлилась я, но тут же сникла, точно зная, что в очередной раз останусь в дураках, если вмешаюсь. Хуже того – чего доброго, начну

считать себя виноватой, что от безделья порчу людям жизнь. «Меня все это не касается, – напомнила я себе. – И этот парень, и его убийство», – сунула фотоаппарат в карман и побрела к машине.

Утром, гуляя с Сашкой, я дала себе слово выбросить вчерашнее происшествие из головы, но слово не сдержала. У меня налицо отсутствие твердости характера и чувства собственного достоинства. Часов в одиннадцать я уже болталась по длинному коридору, стены которого недавно выкрасили ядовито-зеленой краской, что сразу подействовало на мою ослабевшую душу: я начала впадать в депрессию. На счастье, я быстро отыскала нужный кабинет, заглянула в него и обнаружила там Славку Сычева, с которым когда-то вместе работала. С тоской в очах он разгадывал кроссворд. Увидев меня, он тут же разулыбался, то ли правда обрадовался, то ли вежливость проявлял.

– Привет, – сказал он весело и протянул руку, которую я пожала. – Какими судьбами?

– Вчера паренек с лестницы свалился...

– Это тот, который с Рабочей?

– Он самый.

– Знакомый, что ли?

– Ага. Так что там с пареньком?

– Нет больше паренька, о чем не трудно догадаться, если уж он ко мне в руки попал.

– Это я сообразила. А вот отчего его не стало?

– С лестницы упал, сломал шею, перед этим вкатил себе такую дозу...

– Сам вкатил? – невинно поинтересовалась я.

Славка серьезно посмотрел и кивнул мне на стул:

– Садись. – Я села, а он вздохнул. – Объясни, чего ты от меня хочешь?

– Вскрытие провели?

– Вон заключение на столе.

Я прочитала и не смогла удержаться от усмешки.

– А рана на затылке?

– Про рану там тоже есть.

– Вижу, что есть. Откуда она взялась, по-твоему?

Славка хмыкнул и покачал головой:

– В таком состоянии можно столько шишек набить и даже не заметить.

– Парень – наркоман со стажем? – спросила я.

– Не похоже, – ответил Славка. – Вены чистые... В общем-то парень занятный, все тело в синяках и шрамах. Такое впечатление, что он у кого-то был боксерской грушей.

– То есть кто-то над ним здорово потрудились? – нахмурилась я.

– Ты не поняла, – покачал головой Славка. – Одним шрамам год, другим больше, есть и свежие. Если занимаешься боксом, таких шрамов вряд ли будет много, а вот если часто участвуешь в уличных драках...

– Наркоман и уличная шпана, – заключила я.

– Точно.

– А не могло быть так: сначала он схлопотал по голове, а уж потом его как следует накачали наркотой, после чего сбросили с лестницы?

– Могло, – согласно кивнул Славка. – Но могло быть и по-другому. Бродил по дому очумелый, хрястнулся башкой об косяк, а потом свалился с лестницы. Почему нет?

– В самом деле, почему? – съязвила я.

– Потому, моя дорогая, что мы по показателям на последнем месте в городе. Алексеич рвет и мечет, ему до пенсии два года. В этой бумажке все правда, и подписаться под ней не грех, что я и сделал, а уж там пусть другие голову ломают – что да как было. – Я поднялась и пошла к двери. – Приятно было тебя увидеть, – сказал он вдогонку.

Ну и чего я злюсь? Славка прав, парень вполне мог сам себе набить шишек и даже с лестницы мог сам свалиться. Я бы в это поверила, если б не его гость, который рылся в шифоньере...

В задумчивости я продвигалась к выходу без должной бдительности, оттого нос к носу столкнулась со вчерашним ментом. Как его фамилия... Глаголев, кажется.

– Ольга Сергеевна? – удивился он, улыбнувшись.

– Здравствуйте, – кивнула я.

– Вижу, вы не оставили идею загрузить нас работой.

– На самом деле заглянула к знакомому, соскучилась.

– Сычева имеете в виду? – проницательно глядя на меня, поинтересовался он.

– У меня полно знакомых, я девушка общительная.

– Что ж вы так к этому наркоману прицепились? Обворожил он вас, что ли?

– Может, обворожил, а может, мне просто не нравится, когда людей безнаказанно убивают.

– Ну, так уж сразу убивают... – попенял он мне с таким видом, точно я несмышленное дитя, а он добрый дядюшка. – Зайдемте ко мне, – предложил он милостиво. Его кабинет оказался рядом. Я зашла и устроилась возле окна на расшатанном стуле.

Он открыл папочку, лежавшую на столе, и монотонно начал:

– Александров Роман Юрьевич, двадцать один год, закончил школу № 37, поступил в колледж, где проучился ровно месяц. Типичный шалопай. Косил от армии, даже в психушке полежал, да не помогло. В армию ему очень не хотелось, из дома ушел, болтался по друзьям, а потом устроился жить в доме под снос, где ранее обитал его приятель, Козиков Лев Николаевич. В настоящее время Козиков находится в СИЗО. Старушку ограбил на соседней улице. Наркоман со стажем, мозги совсем в отключке. Старушке повезло, что он к ней с поленом явился, а не с топором, жива осталась. А парень разжился шестьдесят одним рублем. Его жилище, можно сказать, по наследству перешло Александрову. Как види-

те, публика малопрятная.

– Согласна, – вздохнула я, – но...

– Вот только этого не надо, – в притворном ужасе замахал руками Глаголев. – Все я знаю... Я присягу давал и, между прочим, к своей работе отношусь серьезно. Скажите честно: чего вы так к этому несчастному случаю прицепились?

– У меня встречный вопрос: почему вы так упорно не желаете признать этот случай убийством?

– А с какой стати? Парень свалился с лестницы в невменяемом состоянии...

– Там был еще один парень.

– Допустим...

– Допустим? – подняла я брови.

– Я забыл, – усмехнулся он, – у вас серьезные доказательства его существования. Но-шпа, кажется? Продается в любой аптеке. Самое ходовое лекарство. У меня жена его в сумке постоянно таскает.

– По-вашему, я парня выдумала? Не скажете, зачем мне это?

– Хорошо, – поморщился Глаголев. – Был парень. Такой же наркоман. Увидел, что дружок свернул себе шею, и принялся в шкафу шарить. Может, надеялся деньги найти или наркоту, а вас увидел, испугался и дал деру. Скажите, с какой стати нормальному мужику бояться женщины и убегать от нее со всех ног? Уж если он убийца, то мог и вам шею свернуть за компанию.

– Может, он не столь кровожаден...

– Вы к нам на работу не хотите? Нам такие настырные нужны. Правда, не знаю, насколько хватит вашего упрямства.

– Вы меня работой не пугайте, – хмыкнула я. – Про зарплату вашу я тоже знаю, и про то, что жены без шуб, а пацаны без отцов растут. Так что у меня встречное предложение: идите в банкиры. И жена в мехах, и пацан под присмотром...

– Я подумаю, – перестал он улыбаться, но остался спокойным – большой выдержки человек.

– Давайте так, – ласково предложила я. – Возьмите фотоаппарат, проверьте его и если...

– Знаете, у нас есть дела поважнее. Хотите – проверьте сами. И попробуйте доказать, что это фотоаппарат Александра.

– И вам даже не интересно? – попыталась я воздействовать на одну из человеческих слабостей.

– Нисколько, – ответил он, и я с досадой покинула его кабинет.

Можно, конечно, позвонить Деду, настучать на этих малолюбопытных... Да пошли они все к черту! Все равно никого не найдут. А у них будет еще один «висяк». Глаголев за него по шее получит и скажет в мой адрес доброе слово. Только и всего.

Я села в машину, взглянула на недовольного Сашку и зло чертыхнулась. Хотела выбросить фотоаппарат, но вместо

этого сунула его в «бардачок».

– Все. Меня это не касается, – сказала я грозно Сашке, как будто во всех несчастьях виноват был именно мой пес.

Однако жажда деятельности переполняла меня. Правда, звонить Деду я все же не стала, вместо этого позвонила своему приятелю, и мы весело провели с ним время, путешествуя из одного бара в другой. Утром я с большим трудом смогла подняться с постели и с изумлением обнаружила на своем предплечье татуировку. «А мне все по фигу», – прочитала я и присвистнула, после чего позвонила Коле, очень рассчитывая, что он, в отличие от меня, помнит, как на моей руке появилась эта гадость.

– Я не виноват, – тут же заявил он. – Я тебя отговаривал, но в тебя точно черт вселился.

– А по рукам дать ты мне не пробовал? – вздохнула я. – А еще лучше по башке.

– Ага... у меня здоровья не хватит. Между прочим, когда на тебя находит, иметь с тобой дело совсем не сахар.

Я вторично вздохнула и повесила трубку. Ладно, переживу. Наколка – ерунда, она не настоящая, то есть не на всю жизнь, месяца через три сотрется. Рожа целая – и слава богу.

Тут очам моим предстал Сашка. Он укоризненно смотрел на меня и тоже вздыхал.

– Не вздумай читать мне нотации, – предупредила его я и почувствовала себя еще хуже. Застонала, держась одной рукой за голову и прижав другую руку куда-то к области же-

лудка. Сразу и не сообразишь, на каком органе ночной загул отразился с большей силой.

Я устроилась на диване ждать, когда полегчает.

Забота о здоровье подействовала на меня самым благотворным образом: свернувший себе шею Александров перестал волновать меня, а ментам я даже сочувствовала.

Однако через несколько дней, проезжая неподалеку от улицы Рабочей, я не удержалась и свернула в переулок. Помойка была на месте, а вот развалюха претерпела значительные изменения: левая половина дома почернела от копоти, окна заколочены, крыша провалилась. Ясное дело: пожар. В правой половине, судя по занавескам, люди еще жили. Я прошла в переулок и смогла убедиться, что вместо двухэтажной руины, где погиб Александров, теперь черное пепелище. Выгорело так, что только фундамент остался, да в стороне возвышалась груда ржавого железа с крыши.

Я прогулялась по пепелищу, насвистывая какой-то мотивчик и разгребая носком кроссовки кучи мусора.

– Занятно, – сказала я вслух и вновь принялась злиться на ментов, хотя они, скорее всего, этого не заслуживали: развалюха могла сгореть и без чьей-то помощи, хотя я упорно не желала верить в это.

– Здравствуйте, – услышала я за спиной. Я оглянулась и увидела старушку, которая на прошлой неделе присматривала за ребенком, сидя на крыльце.

– Здравствуйте, – ответила я как можно доброжелатель-

нее, сообразив, что, с точки зрения бабки, наверняка выгляжу подозрительно.

– Что-нибудь потеряли? – спросила она не без язвительности.

– Здесь дом стоял...

– Стоял. Вы на днях были, я вас узнала.

– Так и есть, – покаялась я. – Давно дом сгорел?

– В субботу. Тут ведь труп нашли, вы знаете? То ли убил кто парня, то ли сам разбился... А на следующий день и запылало. Так горело, страсть! Пожарные приехать не успели, все дотла выгорело и на нашу крышу огонь перекинулся. Уж лучше б и наш дом сгорел, а то Ивановым квартиру дали, а что с нами будет, неясно. Дожди начнутся, зальет.

– А вам квартиру не обещали?

– Сказали, если изыщут возможность. Это как понимать? Живите с худой крышей? Да еще полдома обуглено и окна заколочены. Хотя начальству здесь не жить... – Бабка так увлеклась своими несчастьями, что вроде бы забыла обо мне, вздыхала и с тоской смотрела на полуобгоревший дом.

Я поспешила удалиться. Если верить ее словам (а с какой стати не верить?), дом сгорел на следующий день после убийства.

– Несчастливого случая, – сказала я вслух, садясь в машину и не спеша трогаясь с места. Очень похоже, у парня что-то искали, а не найдя, сожгли дом. По их мнению, искомое обязано сгореть в огне. Прав мент, это меня от безделья клинит,

кто поджег, что сгорело? А если сгорело, тем более беспокоиться не о чем. Я вновь дала себе слово забыть о парне. И в тот момент твердо намеревалась слово сдержать. Но человек, как известно, предполагает, а господь вносит свои коррективы.

Уже на следующий день часа в три мне позвонили. Мы как раз пришли с Сашкой домой после длительной прогулки. Пес у меня злопамятный, после того как мы с Колей, обойдя все кабаки в округе, вернулись домой в полубессознательном состоянии, он на меня здорово осерчал. Подозреваю, из-за того, что сам в походе не участвовал. Я пробовала оправдаться тем, что пью очень редко, оттого мой неприученный к алкоголю организм реагирует своеобразно и я практически теряю сознание (хотя с потерей сознания тоже явное преувеличение, кое-что я все же помнила). В общем, пес дулся, а я всю подхалимничала перед ним, пытаюсь вернуть его расположение, оттого гуляли мы теперь по несколько часов в день. Сашка был доволен, а у меня одной заботой стало меньше: не надо придумывать, чем себя занять. Из-за этого звонок застал меня в благодушном настроении.

– Ольга Сергеевна? – осведомился мужской голос.

– Да, а вы кто? – задала я встречный вопрос, потому что голос не узнала.

– Глаголев моя фамилия, Кирилл Алексеевич. Помните такого?

– Мент, что ли?

– Точно.

– Помню. Зачем звоните? – удивилась я. – Ведь не чаяли от меня избавиться.

– Начальство одолело, – вздохнул он.

– Неужто работать заставило?

– Вам смешно, – хмыкнул он, – а у меня... Ольга Сергеевна, можно мне к вам заехать? – без перехода спросил он.

– Зачем это? – съехидничала я.

– Поговорить.

– Заезжайте, – согласилась я, потому что никогда не жаловала ехидство. – Адрес...

– Я знаю, – перебил он и обещал появиться через полчаса.

Я накормила Сашку и успела перекусить сама. В дверь наконец позвонили. На пороге стоял Глаголев, рядом с ним мужчина без определенного возраста, невысокий, сутулый, с жидкими рыжеватыми волосами, торчавшими из-за ушей неопрятными космами, и злыми глазками, которые очень бы подошли какому-нибудь сказочному персонажу, к примеру кикиморе. Он мне сразу не понравился, и я ему тоже, об этом было нетрудно догадаться, раз его физиономия недовольно скривилась, а глазки не просто засверкали гневом, а запылали вовсю.

– Проходите, – милостиво предложила я.

– Спасибо. Мы много времени не займем, – забубнил Глаголев.

– Занимайте, – усмехнулась я, – у меня его сколько угодно.

Глаголев тоже усмехнулся и вспомнил о хороших манерах.

– Вот, знакомьтесь – Ольга Сергеевна Рязанцева. Уверен, вы о ней наслышаны. А это Шутов Юрий Николаевич.

– Очень приятно, – заверила я, рыжеватый в ответ молча кивнул. – Присаживайтесь, – предложила я. Мужчины как-то без охоты устроились на стульях. – Чай, кофе?

– Нет-нет, не беспокойтесь. Мы буквально на минуту.

– Что ж вы собираетесь успеть за минуту? – подивилась я. Глаголев засмеялся, а его приятель нахмурился.

– Ольга Сергеевна, вы в прошлый раз говорили о пленке, точнее, о фотоаппарате.

– Говорила. У вас к нему появился интерес?

– Ну... проверить мы обязаны.

– Ага. А что с Александровым?

– В каком смысле?

– В буквальном.

– В буквальном его похоронили.

– А теперь вы расследуете убийство?

– Далось вам это убийство, Ольга Сергеевна.

– Значит, все-таки несчастный случай?

– Конечно, несчастный случай.

– И дело закрыли?

– Какое дело, Ольга Сергеевна? Но раз вы настаивали... И фотоаппарат этот... Мы, собственно, за ним и пришли, – слегка стыдась, сообщил Глаголев.

– Зря, – переводя взгляд с одного на другого, ответила я. Глаголев, слегка растерявшись, поднял брови, а вот Шутов впился в меня взглядом так, точно готовился сразить наповал усилием воли.

– Что? – наконец подал голос Кирилл Алексеевич.

– Зря пришли, говорю, – разулыбалась я, продолжая по непонятной причине упрямыться. Как только речь зашла о фотоаппарате, я сразу поняла: я его не отдам. Не отдам, и все. И даже не потому, что сразу не взяли, а теперь вдруг опомнились, просто рыжий мне не нравился и с этим ничего нельзя было поделать. Парню с таким взглядом улики заныкать – раз плюнуть. Может, я к нему придираюсь, и он честнейший мент, но проверять это как-то не хочется.

– Я вас не понимаю, – слегка насторожился Кирилл Алексеевич, должно быть решив, что я с ним шучу.

– Вы не пожелали его взять в свое время, – напомнила я, – и я сильно разгневалась. Так что фотоаппарат стоит поискать в мусорном баке рядом с вашей конторой. Именно туда я его и определила.

– Вы выбросили фотоаппарат в мусорный бак? – впервые подал голос Шутов. Его голос звучал так, точно его обладатель здорово сомневался в правдивости моих слов, или в наличии у меня здравого смысла, или в том и другом одновременно.

– Выбросила, – скроив самую разнесчастную мину, ответила я и тут же почувствовала себя гораздо лучше. То есть

до сего момента кое-какие угрызения совести все же имели место, а тут у меня точно камень с души свалился. Врать иногда очень полезно и даже приятно.

– И пленку тоже? – вцепившись в меня взглядом, спросил Шутов.

– Конечно. Надеюсь, кто-то нашел его и порадовался. Я имею в виду фотоаппарат. Кому-то и «мыльница» в радость.

– Надеюсь, вы понимаете... – посуровел Шутов, пока Глаголев укоризненно вздыхал.

– Кирилл Алексеевич не даст мне соврать, – кивнула я на него, – я упрашивала взять у меня эту улику. Не взял. Говорил, что не надо, раз я даже не уверена, что фотоаппарат оставил погибший паренек. Кстати, я и вправду не уверена в этом, обзвонила на всякий случай всех знакомых, спрашивая, кто потерял фотоаппарат. Никто не сознался.

– Вы точно помните, в какой контейнер выбросили его?

– Само собой. Пью я редко, вопреки слухам, а в тот день точно была трезвой.

– Что ж, мы проверим, – заявил Шутов, поднимаясь. Глаголев кашлянул и с потерянным видом пошел вслед за товарищем.

Проводив их, я спустилась в гараж, достала фотоаппарат из «бардачка», а из фотоаппарата пленку, повертела ее в руках и сунула в карман, фотоаппарат же решила выбросить в ближайшую к дому урну.

Проделав все это, я вернулась домой и задумалась. Отчего

бы не отдать людям вещественные доказательства? Странно, дела нет, а интерес к вещдокам имеется. Нормальному менту вещественные доказательства без надобности, если дело закрыто, а эти не поленились заехать ко мне. И дом, где парнишка шею сломал, вдруг сгорел. Может, пленочку в доме и искали, да не нашли. А когда про фотоаппарат узнали, зашевелились и ментов ко мне отрядили. Ладно, скоро станет ясно, фантазирую я или все примерно так и есть.

Пока я размышляла на эту тему, вновь зазвонил телефон. На этот раз голос Кирилла Алексеевича я узнала сразу.

– Забыли что-нибудь?

– Ольга Сергеевна, – начал он жалостливо, – я, конечно, понимаю, у вас есть причина сердиться на меня, но... вы же знаете, что у меня будут неприятности. Если фотоаппарат у вас, очень прошу...

– Сожалею, но я его правда выбросила. Зла была очень, а под горячую руку я и не такое могу выкинуть, то есть на самом деле все, что угодно. Вот, к примеру, наколку себе сделала, тоже со злости.

– На наколку я обратил внимание. Вам идет, то есть... я хотел сказать...

– Кирилл Алексеевич, вы мне лучше скажите, откуда вдруг такой интерес к пленке, если дела-то нет?

– Ну... – невнятно промычал он и надолго замолчал. Я было решила, что потеряла его навеки, но он все-таки продолжил: – Я так понял, что это вы...

– Я что? – пришла я в изумление от его ответа.

– Надавили где следует. У вас ведь есть возможности...

– Подождите. Вы решили, что проявить интерес к пленке вас вынудила я?

– Конечно.

– И на каком основании вы так решили?

– Кому еще это надо?

– От кого вы получили такой приказ?

– От начальства, естественно. Шутов – мой непосредственный начальник. Он был в бешенстве, когда узнал о фотоаппарате, хоть я и уверен, что этот фотоаппарат к парню никакого отношения не имеет. Выговор мне уже вкатили, а теперь могут и с работы турнуть. Вот я и звоню вам. Кто старое помянет... Ольга Сергеевна, вы ж у нас работали, вам объяснять не надо. Проучили дурака и будет, а, Ольга Сергеевна?

– Я долго злиться не умею, это вам каждый скажет, – вздохнула я. – И фотоаппарат, конечно, бы отдала, будь он у меня. Но я его выбросила.

– Нескладно получилось, – вздохнул Глаголев и, попросившись, повесил трубку, а я задумалась еще сильнее. Парень решил, что я настучала начальству, но я-то точно знаю, что это не так. Выходит, кто-то еще проявил инициативу. Этот «кто-то» – тип непростой, раз сумел надавить на милицейское начальство и Шутов даже лично пожаловал ко мне, точно у него других забот нет. Шутов наверняка зна-

ет, кому интересна пленка. Знает, да мне не расскажет. Похоже, никто уже не сомневается, что фотоаппарат принадлежал Александрову. Я бы даже сказала, что Шутов убежден в этом и именно ему пленка и интересна. Само собой, мне тоже. Можно сказать, изнываю от любопытства, хотя по опыту знаю, что любопытство до добра не доводит и даже иногда способно завести человека так далеко, что ему, бедолаге, уже и не выбраться. Но грех потому и грех, что бороться с ним трудно.

Скроив разнесчастную мину, я потянулась к телефону с намерением позвонить своему другу Артему Вешнякову. Вот уж обрадуется он, когда я расскажу ему про пленку. Я бы тоже не обрадовалась, да что делать. Дружья существуют на свете для того, чтобы было кому поднимать тебя по тревоге среди ночи и вообще всяческими способами портить жизнь. Все, с кем я дружу, в курсе, что друг я настоящий. По крайней мере жизнь им порчу самозабвенно. Больше всех достается Вешнякову, парень явно родился под дурной звездой. Должно быть, поэтому до сих пор ходит в майорах, хотя я не раз сулила ему полковника. Но почему-то всегда выходило, что мы на пару только шишек набивали, оттого и кривила я сейчас физиономию. Кое-какая совесть у меня все же есть, и я стыдилась, что вновь пытаюсь втравить Артема в историю. Хотя, может, и нет никакой истории, может, это мои фантазии.

– Привет, – задыхаясь от счастья, пропела я, услышав род-

ной голос, счастье я слегка переигрывала, и мой друг забеспокоился.

– Чего у тебя?

– У меня хорошее настроение, а у тебя?

– У меня работы по горло.

– Жаль. Хотела тебя пивом угостить.

– Просто так? – заподозрил неладное Артем.

– Не просто так, а с воблой. Хочешь?

– Конечно, хочу. Давай через час на Смоленской, там пивнуха в подвале, найти легко.

– Найду. Значит, через час? А как же работа? – не удержалась я.

– Пиво работе не помеха, – резонно ответил Артем. – Хотя я бы и от водки не отказался.

Я весело хихикнула и начала сборы, размышляя, взять с собой Сашку или нет. Сашка, обратив внимание на мои передвижения, решил вопрос сам: сполз с кресла и побрел к машине, недовольно оглядываясь на меня.

– Можешь оставаться дома и смотреть телевизор, – предложила я, но Сашка презрительно отвернулся. Итак, на Смоленскую мы отправились вдвоем.

Найти пивнушку труда не составило, она имела громкое название «Парнас» и могла похвастать относительной чистотой. Это улучшило нам настроение, особенно Сашке, он довольно привередливый пес.

Возле окна сидели художники, из тех, что днем болтаются

по Соборной площади. Их непроданные работы стояли возле стены, прикрытые мешковиной. День, судя по веселому гомону и количеству выпитого, у них был удачным. Впрочем, у нас одинаково охотно пьют и с горя, и с радости.

Я устроилась подальше от шумной компании. Неподалеку от меня пили пиво двое ребят, по виду студенты. Один обратил на меня внимание и улыбнулся, второй тоже уставился на меня. На счастье, появился Вешняков. Со времени нашей последней встречи он поправился на пару килограммов. Пуговицу на пиджаке не худо бы переставить, застегивалась с трудом. Вешняков плюхнулся на стул рядом со мной, а я сказала:

– Наконец-то у тебя вид преуспевающего майора, а то бегал как выпускник-лейтенантик.

– Я полковника хочу, – съязвил Артем и тут же вздохнул: – Скажи, отчего пузо растет?

– У баб в основном от беременности, а у тебя от пива.

– Нет, от непосильной работы.

– Брось все и иди к Лялину, – предложила я. Ни одна наша встреча не обходилась без его сетований на тяжелую работу и моего предложения. Это что-то вроде ритуала перед первой кружкой пива. Артем досадливо махнул рукой и позвал официантку. Она принесла нам по кружке пива, мы не торопясь выпили, похваливая воблу. Артем отодвинул пустую кружку и со вздохом сказал:

– Ну, что там у тебя?

– Ничего, – прикинулась я дурочкой.

– А то я поверю, что ты меня за просто так пивом угощаешь.

– Зря вы, дяденька, сироту обижаете, я вам не раз и не два даже водки наливала совершенно безвозмездно. – Артем ухмыльнулся, а я осчастливила его: – Гости у меня были, вот и потянуло к родному человеку.

– Какие гости? – спросил Артем, и я все ему подробно рассказала. – То, что менты поспешили дело закрыть, – почесал он бровь, – вполне понятно, кому лишнее убийство нужно? Говоришь, улица Рабочая? Это Первомайский район... Ясно, у них третий начальник за два года, показателидохлые... А то, что за пленкой явились, может, правда кто шею намылил, а может... Что там на этой пленке?

– Понятия не имею, – пожала я плечами, выкладывая ее на стол.

– Неужто любопытства не проявила?

– Теперь, конечно, проявлю.

Артем сунул пленку в карман пиджака.

– Ты на всякий случай поосторожнее, вдруг там наши политики, чтоб им... – При слове «политики» Вешнякова так перекосило, что я всерьез испугалась, как бы у него пиво назад не попросилось. – Завязала бы ты с этим, – сказал он укоризненно.

– С чем?

– Лезть не в свое дело. Чего фотоаппарат ментам не отда-

ла?

– Я отдавала, они не брали.

– Сегодня?

– Сегодня не отдала из вредности.

– Ясно. Пленку проявим, посмотрим. А про убитого парня даже не заговаривай, у меня своих дел выше крыши, хоть караул кричи.

– Но хотя бы справки навести о нем ты можешь?

– Как ты мне надоела, – простонал Артем, поднялся, чмокнул меня в макушку и ушел.

– Я ему надоела, – пожаловалась я Сашке, он все это время лежал в сумке, не замеченный Артемом. Для такой выдающейся собаки это попросту оскорбление. Сашка продемонстрировал зубы и зарычал.

Мы встретились с Вешняковым уже на следующий день. На этот раз инициатива исходила от него.

– Я сегодня домой собрался пораньше, можем встретиться по дороге, возле парка, часов в шесть. Идет?

Ровно в шесть я была возле парка. К моему удивлению, Артем приехал раньше, он бродил возле своих «Жигулей», с сердитым видом пиная то одно, то другое колесо.

– Резину пора менять, – сообщил он.

– Поменяй.

– Было бы так просто, я б тебе не жаловался, – съязвил он.

– Хочешь, я тебе подарок сделаю на день рождения. Хо-

чешь?

– Я хочу, чтоб ты никуда не лезла и оставила меня в покое, – вздохнул он.

– Фотографии интересные? – насторожилась я.

– Дерьмо, а не фотографии. – Он распахнул дверь машины, предлагая мне сесть, и сел сам, достал из кармана конверт и бросил мне на колени. – Отснять успели лишь четыре кадра. Взгляни.

Я достала фотографии из конверта, две были практически одинаковые: четверо мужчин с напряженными лицами. На второй фотографии у того, что слева, широко раскрыт рот, похоже, он кричит. У седого благообразного мужчины с бородкой сжаты кулаки.

– На что это похоже? – удивилась я.

– На футбольный матч, – хмыкнул Артем. – Когда наши по воротам мажут.

Другие две фотографии были гораздо худшего качества. Мужчин на них было больше, они стояли плотной толпой, лица почти у всех смазаны.

– Знакомые среди этих типов есть? – спросила я.

– У меня нет.

– У меня тоже. Так что политиками здесь не пахнет.

– И слава богу, – обрадовался Артем. – Зря ментам фотоаппарат не отдала, ничего в этих фотографиях особенного нет. Чего губы надула? Небось горюешь, что никаких пако-стей откопать не удалось?

– Еще как, – вздохнула я, продолжая разглядывать фотографии. – Скажи на милость, зачем нужны парню фотографии каких-то типов?

– Вот уж не знаю. Может, хотел запечатлеть какое-нибудь памятное событие. Почему обязательно что-то криминальное...

– Потому что парень мертв, дом, где он жил, сгорел, а некто интересуется пленкой.

– Ты же сама видишь, интересоваться здесь нечем.

– Ну... не знаю. Может, кому-то с кем-то рядом находиться не положено.

– Только не жди, что я буду рыть землю носом, – начал вредничать Вешняков.

– И не надо. На твой интерес, кстати, могут обратить внимание.

– Ох ты, господи... Скажи на милость, с чего ты вообще взяла... Ладно, горбатого могила исправит. Узнаю, что это за публика.

– Не надо, – покачала я головой. – Я серьезно.

– Ты серьезно выбросишь все это из головы? – не поверил Артем.

– Нет. Просто загляну к Лялину.

– Вот уж он обрадуется, – фыркнул Артем.

Вопреки прогнозам, Олег Лялин мне обрадовался, по крайней мере вначале. Его секретарь встретила меня улыб-

кой, а Лялин даже вышел навстречу, что при его лени вещь прямо-таки фантастическая.

– Похорошела. Влюбилась, что ли?

– Нет, я тебя жду.

– Стыда у тебя нет, так издеваться над пожилым человеком, – заворчал Лялин.

– Это у тебя стыда нет, – отрезала я. – Кто обещал полюбить меня хоть на время, хоть разок и совсем чуть-чуть? Вам все шуточки, а девушка надежды питает.

– Это произошло в минуту слабости. Я, считай, был без сознания и мог наболтать что угодно.

– Понятно. Но я все равно надеюсь.

Лялин засмеялся, придвинул кресло, не сводя с меня взгляда, и покачал головой:

– Нет, в самом деле похорошела. Замуж не собираешься?

– За кого? – подняла я брови.

– Да хоть за Тагаева. Говорят, вас в театре видели. Чтобы такой парень, как Тимур, добровольно отправился в театр, его должны переполнять чувства посильнее благодарности.

– Лялин, в нашем городе есть хоть что-то, способное укрыться от твоего соколиного взора?

– А честному человеку прятать нечего, – дурашливо пропел он. – Ну, так как?

– Это ты про Тагаева? Никак. Я, кстати, зашла зоркость взгляда проверить. Твоего, разумеется. – Я выложила на стол фотографии и придвинула их Лялину. Надо сказать, что на

его знания и память я рассчитывала не зря. Они у него, прямо скажем, выдающиеся. С такими талантами не в охранной фирме начальствовать, а прямиком в разведку... Впрочем, как раз там Олег и служил долгие годы. Потом был у Деда начальником охраны, а теперь вот на вольных хлебах. Но старые привычки, как известно, живучи, и я надеялась, что он мне поможет. Если захочет.

Он взял фотографии, внимательно просмотрел их и спросил:

– И чего в них особенного?

– Вот и я думаю о том же, – сказала я.

– Только не говори, что из-за этой хрени кого-то пришили...

– Провидец, – ахнула я, а Олег нахмурился:

– Тебе, конечно, больше всех надо.

– Вовсе нет. Простое любопытство.

– Хорошо, если так, – буркнул он и еще раз просмотрел фотографии. – Двоих я знаю. Вот этот, – он щелкнул ногтем по изображению мужчины с открытым ртом, – Синявин Василий Павлович, бывший главврач пятой городской больницы. Ныне бизнесмен, торгует медицинским оборудованием. Говорят, виллу купил в Испании, не из дешевых. В любом случае не бедствует. Рядом с ним Кондаревский Руслан Сергеевич, в далекой юности комсомольский вожак, сейчас бездельник. От тестя ему достались склады бывшей овощебазы, ныне торговый центр «Раздолье». Если память мне не

изменяет, там примерно тысяча пять квадратных метров. Если их помножить на среднестатистическую плату за аренду квадратного метра... Мужу с таким доходом работать – здоровье не беречь. Супруга впала в религиозный экстаз, по монастырям катается, постится и о мирском не думает, так что дядя живет припеваючи. Вот эта рожа мне тоже знакома. Вроде адвокат, но фамилии не вспомню. Остальные по виду люди приличные, то есть я хотел сказать не бедные, их костюмы мне нравятся.

– А не мог бы ты очень аккуратно узнать, что это за публика и вообще...

– Зачем? – посуровел Олег, а я тяжело вздохнула:

– Вы сговорились, что ли?

– С кем?

– С Артемом.

– Понятно. Он тебя послал, так ты ко мне притащилась.

А еще на любовь намекала, нет у людей совести...

– Вот тут ты ошибаешься. Я не о совести, о ней и сама толком не знаю, когда вроде она есть, а когда и нет. Я насчет того, что Вешняков меня послал. Я сама решительным образом отказалась от его помощи.

– Да неужели?

– Ага. Менты проявили интерес к пленке. Как бы они не узнали о чужом любопытстве.

– Менты?

– Сначала от меня отмахивались, как от назойливой мухи,

потом сами прибежали за пленкой.

– Но ты им ее не отдала.

– Конечно.

– Почему?

– А не фига баловать.

– О господи, – простонал Лялин, получилось у него очень натурально. Он вытянул ноги, подергал себя за рыжий ус, потом сложил руки на животе и скомандовал: – Валяй, рассказывай.

Видя такую доброту, я поспешно поведала ему о случившемся, начав со встречи на дороге с двумя молодыми людьми.

– Что я тебе могу сказать, – выслушав мой рассказ и немного поразмыслив, изрек Лялин. – Конечно, все это выглядит подозрительно. Хотя очень может быть, что мент прав: в шкафу шарил дружок, а увидев тебя, перепугался и сбежал. Мог и парнишку столкнуть, и такое между приятелями бывает. Начальство могло узнать о вещдоке, не спрашивай как, но могло, и менту надавали по шее.

– Второй по фамилии Шутов выглядел так, точно готовился меня целиком заглотить.

– Это уже твои эмоции, а их к делу не пришьешь. Постой, Шутов, а зовут Юрка, Юрий Николаевич?

– Он самый.

– Редкая сволочь, к тому же продажная. Да-а... действительно наводит на размышления... только вот фотографии –

фигня. За такое не убивают. Согласна?

– Полностью. Но если я права и паренек погиб из-за фотографий, значит...

– Значит, кто-то из мужчин не должен быть здесь, – закончил Олег, глядя на фотографии. – Хорошо, личности установим, это не трудно. Говорить тебе о том, что совать свой нос куда не просят вредно для здоровья, конечно, бесполезно.

– Конечно. Дед говорит, я от безделья дурею, вот и страдаю любопытством.

– Правильно Дед говорит, – кивнул Олег. – Как вы, кстати, ладите?

– Как кошка с собакой.

– Ну, значит, все нормально. Иди ко мне на работу. Больших денег не обещаю, но и скучать не дам.

– А любовь?

– Какая любовь?

– Большая и светлая. Если пообещаешь, хоть завтра на работу выйду.

– Угораздило меня сболтнуть, – проворчал Олег, – теперь по гроб помнить будешь.

– А ты как думал? Нечего языком молоть, девушку тревожить.

Я поднялась, Олег сгреб фотографии и пленку в ящик стола.

– Пусть у меня полежат. Береженого бог бережет. Будут новости, позвоню.

Я сделала ему ручкой и удалилась. По дороге домой я заехала в магазин. Сворачивая с проспекта, я поймала себя на мысли, что без конца поглядываю в зеркало заднего вида и присматриваюсь к потоку машин за спиной. Я разозлилась и пожалела, что не отдала вовремя пленку. Теперь на попятный не пойдешь. Прав Дед, это все от безделья.

Дед, легкий на помине, позвонил буквально через полчаса. Точнее, позвонила Ритка, его секретарь и моя подруга.

– Привет, – начала она заискивающе. – Дед просил найти тебя.

– Чего меня искать, раз я не терялась.

– Не придирайся к словам. Он хотел, чтоб ты заехала в контору.

– Не сказал зачем?

– Нет, а я, конечно, не спросила. И что я должна ему передать?

– Что я спешу по первому зову.

– Я же серьезно спрашиваю.

– И я не шучу. Когда надо быть в конторе?

– В 17.45 у него «окно».

– Хорошо, буду в 17.45.

Я приехала раньше, решив не заезжать домой. Немного погуляла с Сашкой около здания под укоризненными взглядами охраны. Однако подать голос никто не решился, лишь Сашка заливисто лаял, бегая за мячиком. Я сидела на ступеньках, грызла зубочистку и доводила охрану до белого ка-

ления, не зубочисткой, а тем, что сижу, можно сказать, в святая святых и развлекаюсь со своей собакой. И ведь не прогонишь, хотя, наверное, руки чешутся. У меня не было намерений злить их, просто Сашку к Лялину я с собой не брала, а долгое сидение в сумке дурно сказывается на его настроении, пусть немного побегает.

– Дед вызвал? – услышала я и даже оглядываться не стала, потому что и без того знала, что за спиной у меня Ларионов, начальник охраны Деда. Мы с ним друг друга не жаловали. Я свои чувства не особо скрывала, он же предпочитал демонстрировать дружелюбие. Ларионов спускался по лестнице, поравнявшись со мной, остановился. Пиджак застегнут на все пуговицы, рубашка белоснежная, галстук модный, физиономия честного служаки, хотя я точно знала, что ему убить человека раз плюнуть. Дед об этом тоже знал, но расставаться с ним не спешил. Впрочем, у Деда свой резон.

– Привет. Говорю, Дед вызвал?

– Тебе-то что за дело? – проявила я встречный интерес.

– Да я так просто... спросил.

– Сашка, – позвала я. Ларионов, вместо того чтобы двигаться себе дальше, точно прилип к мраморным плитам, кашлянул и сделал ценное замечание:

– Смешная у тебя собака.

Сашка забрался в сумку, а я подхватила ее и начала подниматься по лестнице.

– Как твои дела? – вдруг спросил он.

– Нормально, – удивилась я его заботе.

– Да? Хорошо... заходи как-нибудь... поговорим...

– О чем? – я даже притормозила, так мне сделалось интересно.

– Ну... о чем люди говорят.

– Так то люди. Нам с тобой говорить не о чем.

– Зря ты... – пожал он плечами и поспешил к машине, оставив меня в недоумении. Что это на него нашло? Такой тип ни с того ни с сего глупых разговоров не заводит.

– Чудеса, – пожаловалась я Сашке.

Мент на входе широко улыбнулся мне.

– Здравствуйте, Ольга Сергеевна. – А Сашке даже подмигнул, чем сразу же завоевал мое расположение.

Игнорируя лифт, я поднялась по лестнице и вошла в приемную. Ритка грызла печенье, пользуясь тем, что приемная пуста.

– Подожди пару минут, – сказала она тихо. – Он сейчас освободится. – Не выдержала и все же добавила: – Не могла одеться поприличнее.

Ритке, как и Деду, не нравились мои джинсы, хотя Дед последнее время стал гораздо демократичнее.

– Времени не было, – отмахнулась я.

– Чем ты, интересно, занимаешься?

– Отдыхаю.

– Везет же некоторым...

– Что нового в нашей богадельне? – сунув в рот печенье

и предварительно угостив Сашку, спросила я.

– Что тут может быть нового? – вздохнула Ритка.

– Ну, не скажи. Сейчас встретила Ларионова, так он мне в друзья набивался.

– Серьезно? – Ритка задумалась. – Хрен его знает, может, ему просто нравится твоя новая стрижка.

– А еще моя собака.

– Он терпеть не может собак.

– Уверена, это взаимно.

Эту содержательную беседу пришлось прервать: дубовая дверь распахнулась, и появился заместитель Деда, брови нахмурены, физиономия пятнами, небось влетело от Деда. Кивнув мне, он поспешно удалился, а я шагнула к дверям и едва не столкнулась со своим старшим другом.

– Ты уже здесь? Очень хорошо. Проходи, я вернусь через минуту.

Я вошла в кабинет и устроилась в кресле, поставив сумку на пол. Сашка хотел было выбраться, но я покачала головой, пес вздохнул и остался в сумке, тут и Дед вернулся. Торопливо чмокнул меня в макушку и устроился за столом.

– Хорошо выглядишь, – сказал он, перекладывая на столе бумаги, потом нацепил очки, без которых в последнее время уже не мог обходиться, и уставился на меня. – Что это? – спросил он с неудовольствием.

Я проследила его взгляд, короткий рукав моей футболки задрался, так что любопытство Деда было вполне обоснован-

но.

– Так, ерунда, – отмахнулась я.

Он не поленился подняться, подошел и задрал рукав повыше, после чего его физиономия приобрела разгневанное выражение.

– Ты с ума сошла?

Я пожалела, что откликнулась на его призыв и приехала. Впрочем, не сегодня так завтра он бы все равно увидел татуировку.

– Она не настоящая. Через пару месяцев сойдет.

– Знаешь что... Короче, займись чем-нибудь полезным. В голове ветер свищет, какие-то сомнительные знакомства, теперь вот татуировка. До чего ты еще додумаешься?

– Не заводись. Это вроде шутки.

– Ага, – хмыкнул он, – нет бы оригинальность проявила, написала, например: «Не забуду мать родную» или там «Сидел, опять сяду»...

– У тебя глубокие познания в этом вопросе, – хихикнула я.

– А у тебя детство в одном месте играет...

– Ты чего звал-то? – решила я сменить тему, раз уж он такой противник татуировок.

Дед устроился за столом, посверлил меня взглядом и наконец изрек:

– У меня к тебе просьба.

– Слушаю, – склонив голову набок, ответила я. Если чест-

но, я была уверена, просьба будет примерно такой: не лезь не в свое дело. Кто-то вполне уже мог настучать Деду о фотоаппарате. Эта мысль свидетельствует о том, что к тому моменту я смогла убедить себя, что парнишку убили из-за пленки и эта пленка для некоторых людей или одного человека очень важна. Оправданием мне может служить тот факт, что подобное в моей жизни встречалось не раз и не два и ранее чутье меня не подводило. Потому-то я слегка удивилась, когда Дед сказал:

– Ты знаешь Якименко? Федора Васильевича?

– Зампредседателя Законодательного собрания? Знаю, конечно, но в моих друзьях он не числится.

– А кто числится? – не удержался Дед, что не делало ему чести, он это и сам понял, нахмурился и продолжил: – Так вот, у него проблемы. Пропала дочь. Уже три дня дома не показывается и нигде не могут найти. Отец боится, с ней что-то случилось.

– Допустим. Я-то здесь при чем? – Я не могла понять, куда он клонит, оказалось все очень просто.

– Найди ее.

– Я?

– Ну не я же... Отец волнуется и вообще... просил помочь.

– Чудеса. Сколько девочке лет?

– Пятнадцать.

– Ребенок не появляется дома уже три дня, а папа просит

о помощи тебя? Он что, спятил? Ему в милицию надо.

Дед поморщился:

– Я ему то же самое посоветовал.

– И что?

– Девчонка совершенно отбилась от рук, попала в какую-то сомнительную компанию, учится плохо... короче, ты поняла. В прошлом году ее дружки ограбили чей-то гараж. Отец боится, что в этот раз могло быть и похуже. Чем меньше людей об этом узнает, тем лучше. Поэтому желательно обойтись без милиции. А у тебя полно свободного времени, так что отказать мне в такой малости ты не сможешь.

– Если честно, желание возиться с чужими детьми у меня отсутствует начисто, – сообщила я.

Дед нахмурился:

– Я о твоём желании не спрашиваю, я прошу тебя об одолжении. Ты знаешь ситуацию: Якименко...

– Знаю, – перебила я.

– Вот и отлично.

– Давай уточним: я должна найти девочку и вернуть ее домой.

– Конечно. А что еще? Спустись вниз, Валерий Степанович выпишет тебе удостоверение, чтоб с народом легче было общаться.

– У меня этих удостоверений...

– Тогда поезжай к Якименко, его жена дома, ждет тебя. Адрес знаешь?

– Нет.

– Спроси у Риты. – Он начал перекладывать бумаги на столе. Я поднялась. – На вечер у тебя какие планы? – спросил Дед, когда я уже подошла к двери.

– Девчонку искать, – буркнула я и поспешно покинула кабинет.

– Зачем звал? – зашептала Ритка.

– Буду чужих детей искать.

– Дочку Якименко?

Я покачала головой:

– Все-то ты знаешь, не интересно с тобой.

– А чего тут знать, если он к Деду сегодня прибежал, а все, кому надо, в курсе, что дочка у него... в общем, папе с мамой скучать не дает.

– Тогда давай адрес Якименко, – вздохнула я.

– Пожалуйста, – Ритка передала мне листок бумаги. – К нему поедешь?

– К ней.

– Мамаша тоже не подарок. Редкая стерва. Ты отлично проведешь время.

Сделав ручкой, я отбыла. Сашка из сумки с любопытством поглядывал на меня.

– У нас есть работа, пес, – сообщила я ему, но так и не поняла, обрадовался он или нет.

Якименко жил по соседству с Дедом. Дом не хуже моего,

правда, подъезд на восемь квартир. Зато в холле дежурил охранник, я назвалась и стала ждать, когда он позвонит по телефону.

– Проходите, пожалуйста. Лифт направо.

Я поднялась на второй этаж. Возле распахнутой настежь двери в квартиру стояла женщина лет сорока, с очень короткой стрижкой, в брючках в обтяжку, топе с блестками, который больше подошел бы подростку, и туфлях на высоченном каблуке. Глаза у нее были серые и злые, кожа, несмотря на усилия косметологов, дряблая, рот странно кривился, то ли женщина пыталась улыбнуться, то ли удержаться от слез.

– Здравствуйте, – сказала я. – Моя фамилия Рязанцева. Ольга Сергеевна.

– Я знаю. Проходите. Думаю, мое имя вам хорошо известно.

Пользуясь тем, что женщина шла впереди, я заглянула в листок бумаги, полученный от Ритки, вместо имени одни инициалы, Е.К. Екатерина, Елена? Обойдемся без имени.

Мы вошли в просторную гостиную, с огромным камином и хорошей копией Рубенса над ним, мягкой мебелью из белой кожи и напольными светильниками, обои с позолотой, дорогой ковер.

– Можете сесть, – кивнула хозяйка. Я выбрала диван, женщина нервно прошла до окна и вернулась. – Надеюсь, вас предупредили, что дело... Никакая огласка попросту невозможна. Скоро выборы в Законодательное собрание, и мой

муж...

– Давайте поговорим о вашей дочери, – предложила я. Женщина взглянула на меня так, точно я ей вылила кофе на вечерний наряд за полторы тысячи баксов.

– Мы как раз и говорим о том деле, из-за которого вас сюда прислали, – отрезала она. Тон у нее был такой, что, будь я менее дружелюбна, уже пять минут назад послала бы ее к черту. – Вы обязаны сознавать, что малейшая...

– Я осознала, – невежливо перебила я. – Мы перейдем к делу или мне зайти попозже?

Теперь она смотрела на меня в крайней растерянности. Либо у меня галлюцинация, либо в глазах ее появились слезы.

– Вы соображаете, с кем говорите? – наконец спросила она.

– Вы так и не представились, но я думаю, что вы жена Якименко Федора Васильевича. Все верно?

В первое мгновение я решила, что сейчас она набросится на меня. Было очень похоже на это, но дама просто стремительно покинула комнату, сцепив зубы так, что глаза от напряжения чуть не вылезли из орбит. Отсутствовала она минут пять. Думаю, именно столько времени потребовалось ей, чтобы позвонить мужу. Если они решат, что я им не подхожу, буду только рада. Видимо, в семействе наметились разногласия в оценке моей личности: лицо мадам еще пылало гневом, но интонация сменилась и стала почти любезной. Го-

ворю почти, потому что дамочка по складу своего характера любезничать ни с кем не могла, сильных мира сего я, разумеется, не считаю, но к ним я себя не отношу. Должно быть, муж настоял на том, что искать их дочь должна именно я, и мадам пришлось с этим согласиться. Она села в кресло напротив, сцепила руки и заговорила уже гораздо спокойнее:

– Может, выпьете кофе?

Такая доброта едва не вызвала у меня слезы умиления, но я с благодарностью отказалась.

– Нет, спасибо.

– Я бы хотела, чтобы вы поняли меня правильно. Доброе имя моего мужа... скоро выборы... нам не нужны разговоры и сплетни...

– Поэтому меня и попросили заняться вашим делом, – кивнула я. Уверена, будь ее воля, она бы выцарапала мне глаза. Но это было осуществимо только в мечтах. Дама скривилась, что, видимо, должно было означать улыбку, и сказала:

– Рада, что вы это понимаете.

– Может, поговорим о вашей дочери? Простите, как ваше имя-отчество? – Лучше бы я плюнула ей в лицо. С точки зрения мадам, ее имя должен знать каждый житель нашего города. Она дернулась всем телом, точно подавилась, но нашла в себе силы ответить:

– Елизавета Константиновна.

– Как зовут вашу дочь?

– Юля.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– В субботу. Она собиралась к подруге.

– Сегодня среда. То есть девочка отсутствует уже четверо суток. Раньше такое случалось?

– Месяц назад она сбежала из дома. Объявилась в Москве, у моего мужа там живет сестра. Разумеется, нам сразу позвонили. Дома ее не было пять дней, в Москве сначала жила у какой-то подруги или у ее родственников, я так и не поняла. Исчезать на несколько дней для нее вообще дело обычное.

– Давно это началось?

– С прошлой осени. Мы перевели ее в частную школу, но и это не помогло избавить ее от дурного влияния.

– До этого она в какой школе училась?

– В сорок второй. Школа непрестижная, спальный район, вы понимаете.

– Училась хорошо?

– Да. Сначала. С прошлой осени пошли двойки, потом хамство родителям, потом Юля стала совершенно неуправляемой.

– Говорить с ней пробовали? – Вопрос был скорее риторическим. Доверительная беседа с этой дамочкой мне виделась с трудом. Я достала из кармана зубочистку и принялась ее грызть, что, к сожалению, не свидетельствовало о моих хороших манерах, но мне на это наплевать. Достаточно того, что я оставила Сашку в машине, бедный пес скучает в одиночестве. Впрочем, я больше думала о его благе, чем о хо-

зыйке дома, встречаться с ней воспитанной собаке ни к чему.

– Сотни раз, – ответила на мой вопрос Елизавета Константиновна. – На отца и его репутацию ей наплевать. Она так и сказала. Откуда в детях этот эгоизм?.. Вы не могли бы прекратить жевать? – строго спросила она.

– Извините, нет. Я недавно бросила курить... Мобильный у девочки есть?

– Конечно, но телефон не отвечает, выключен. Хотя она могла потерять его. Уже трижды теряла, точно нарочно. И каждый раз выбирала телефон подороже. Я говорила мужу, незачем ей его покупать, если она не ценит заботы... – Женщина махнула рукой и отвернулась.

– Вы знакомы с ее друзьями?

– В доме никого из них не было, я бы не потерпела... но по телефону звонили. Чаще всех какая-то Катя и Владик.

– Вы говорили с ними о Юле?

– Нет, конечно. У меня нет номеров их телефонов.

– Они школьные друзья Юли или просто живут рядом?

– Точно не знаю.

– Вы не пытались их найти?

– Зачем? – удивилась она.

– В субботу Юля в какое время ушла из дома?

– Около трех. Обещала вернуться в десять. Я ее очень просила, в тот день у нас были гости, и мне не хотелось, чтобы возникли пересуды... Девочка в пятнадцать лет вечером должна быть дома.

– Когда в десять она не вернулась, вы ей позвонили?

– Да, часов в двенадцать, лишь только разъехались гости.

Но она не ответила. Утром я опять позвонила, то же самое. Связалась с бабушками, предупредила их... но Юля к ним не заходила. В понедельник позвонила в школу. Разумеется, на занятия она не явилась. Мы забеспокоились. Я даже в Москву звонила. Дети страшные эгоисты, к тому же неблагодарные.

– У вас есть еще дети?

– У Федора Васильевича есть сын от первого брака.

– Проблемы с законом у Юли случались?

– Вы что, с ума сошли? – возмутилась Елизавета Константиновна. – Федор Васильевич...

– Федор Васильевич поспешил бы пока не поздно проблемы разрешить, это я прекрасно понимаю. Но вопрос я задала вполне конкретный.

Она в отчаянии покачала головой, в глазах ее стояли самые настоящие слезы, одна слезинка даже скатилась по щеке, выглядело все это даже трогательно.

– Как вы можете, – прошептала она.

– Если вы хотите от меня каких-то результатов, потрудитесь быть откровенной. Если вам это не по силам, ищите дочь сами.

Она надолго замолчала. Я уже собралась удалиться, и тут она наконец обрела дар речи.

– Проблемы были. Кто-то из ее дружков обокрал гараж.

Слава богу, Юля при этом не присутствовала. Потом на дискотеке устроили потасовку, и всех забрали в милицию. Дочь была так пьяна, что не могла позвонить домой. Три месяца назад у родителей ее подруги пропали деньги, довольно крупная сумма. Выяснилось, что деньги взяла собственная дочь, но Юля здесь ни при чем. Она не воровка, уж можете мне поверить. Был еще случай – их как-то задержали возле Горбатого моста.

Октябрьский мост, в просторечии Горбатый, прозванный так из-за своей формы, напоминающей перевернутый полумесяц, был местом сбора городских проституток. Рядом парк, куда счастливые пары и отправлялись, если у избранника не было машины. Там из-под каждого куста доносились сладкие стоны, еще чаще вопли и матерщина. Куда они отправлялись зимой, мне неизвестно, может, в те же самые кусты, охота, как известно, пуще неволи. Милиция появлялась там редко, выходит, девчонке просто не повезло.

– Я, конечно, была в шоке, – кашлянув, продолжила Елизавета Константиновна. – Потребовала объяснить, как такое могло произойти. Юля сказала, что они с подружкой просто гуляли, а милиция забирала всех подряд. Вы не верите? – вдруг спросила она.

Я пожала плечами:

– Почему же. Иногда такое случается.

– А вот я не верю. Приличных девушек не забирают. Только тех, кто шляется по ночам бог знает где, забыв, что ее

отец... Впрочем, я отвлеклась. Вот, пожалуй, и все.

– Наркотики? – спросила я.

– Слава богу, нет. Иногда являлась пьяной. Два или три раза. В каком виде она пребывает, когда не ночует дома, могу только догадываться.

– Можно взглянуть на комнату вашей дочери? – Видя недоумение на лице женщины, я пояснила: – Она могла где-то записать телефоны друзей, очень быгодились фотографии.

– Хорошо, пойдемте.

Мы поднялись на второй этаж, помещения здесь были попроще. Женщина толкнула ближайшую дверь и отступила, пропуская меня в комнату.

Комната была небольшой и уютной. Кровать застлана клетчатым пледом, на окне голубые шторы с рюшами, плюшевый медведь, книги на полках. Я пробежала взглядом по корешкам, в основном фантастика. Слева тонкая брошюра «Как завоевать друзей», том Фрейда, рядом сонник.

– Юля много читает?

– Не уверена. Если читает, то какую-нибудь ерунду.

– С вашего разрешения я загляну в стол?

– Я там смотрела. Никаких телефонов. Она не хотела, чтобы я знала о ее друзьях. Юля очень хитрый и осторожный ребенок.

– Вы раньше проверяли ее стол?

– Конечно. Нашла дневник. У нас после этого вышел

крупный разговор. Я заставила ее уничтожить эту гадость. Так что вы вряд ли что найдете.

– Что было в дневнике?

– Хотите, чтобы я повторяла всякие пакости?

– Только в общих чертах.

– Обливала грязью своих родителей. Ей бы папашу алкоголика и мамашу училку, тогда бы знала... – прошипела женщина с поразившей меня злобой.

– Простите, а кем вы работаете?

Она нахмурилась, точно я спросила страшную глупость.

– Федор Васильевич очень занят, он много работает и имеет право на то, чтобы дома ему создавали нормальные условия для отдыха.

– Вы сами их создаете или домработница?

– Дважды в неделю к нам приходит уборщица, все остальное на моих плечах. Поверьте, быть супругой такого человека, как Федор Васильевич, совсем нелегко. Это тоже труд и...

– А где вы работали раньше?

– Это имеет какое-нибудь отношение к исчезновению дочери? – недовольно спросила она.

– Нет. Простое любопытство.

– Я работала в институте.

– Кем работали?

– Лаборантом. Я не имела возможности получить высшее образование из-за тяжелого материального положения

нашей семьи. А выйдя замуж, все силы отдала мужу, то есть его карьере.

Слушая ее и время от времени согласно кивая, я, устроившись на стуле, не спеша просматривала содержимое трех ящичков стола. Ничего особенного. Несколько учебников, тетради. В большинстве из них заполнены две-три страницы. Я полистала школьный дневник. Химия, математика, физика – тройки, литература, история – пятерки. Под обложкой две фотографии. Девочка с косами и серыми грустными глазами. На другой пушистый белый кот.

– Это ваша дочь? – спросила я.

– Да, – подойдя к столу, ответила женщина.

– Давно сделана фотография?

– Не знаю. Я ее раньше не видела.

У девчушки было милое личико, назвать ее девушкой было трудно – девочка, девчушка, и уж совсем невозможно представить ее пьяной или взламывающей чей-то гараж.

– Кот тоже ваш? – кивнула я на вторую фотографию.

– Был. Юля принесла его с улицы, хотя я ей сто раз повторяла: животное в доме... он все обои порвет... и паркет... вы же понимаете.

– Понимаю. У меня собака.

– Вот видите. Это же просто кошмар. Я потребовала избавиться от него. Вы не представляете, какой скандал она мне закатила.

– От кота избавились? – вздохнула я.

- Его забрала Валентина... уборщица.
- Какие у Юли с ней отношения? – заинтересовалась я.
- С уборщицей? Помилуйте, какие же могут быть отношения?
- Дружеские, к примеру.
- Ну, знаете ли... Странные у вас фантазии.
- Номер ее телефона у вас, конечно, есть?
- У нее нет телефона.
- Вы ее о дочери не спрашивали? Не могла Юля отправиться к ней?
- Конечно, нет. С какой стати? Но я, разумеется, спрошу.
- Когда она приходила в последний раз?
- Сегодня.
- Но о дочери вы с ней не говорили?
- Я не обсуждаю свои проблемы с домработницей. – Она поспешно вышла из комнаты, а я сосредоточилась на содержимом письменного стола.

Мадам права, девочка – ребенок осторожный, никаких записей и номеров телефонов, а тем более фотографий. На всякий случай я заглянула в шкаф, проверила карманы куртки и плаща, что висели на плечиках. Пусто. Пролистала книги. Открытка с днем рождения. «Ты – царевна Несмеяна, но я заставлю тебя хохотать до слез», – прочитала я, и подпись: «Твой Кот». Детишки обожают прозвища. Спрашивать мамашу о приятеле дочери, скорее всего, бесполезно. Тут она как раз вернулась, на ее лице читалось недоумение.

– Звонила Валентина, забыла свою сумку. Я спросила про Юлю, оказывается, она заходила к ней в субботу. Около пяти. Пробыла минут двадцать и ушла. Ничего не понимаю. Что у них может быть общего?

– Кот, – напомнила я.

– О господи, я даже не подумала... Конечно, кот. Что же еще?

– Приятель у вашей дочери есть? – все же спросила я.

– Понятия не имею. Могу сказать одно: после того инцидента с милицией, ну, когда их забрали возле Горбатого моста, я отвела ее к гинекологу. Так вот моя дочь – девушка. Была, по крайней мере, – пробормотала она.

– Приятель – не обязательно любовник, – дипломатично изрекла я и показала открытку. – Прозвище Кот никогда не слышали?

– Я бы этого не потерпела. – Открытку она в руки брать не стала и даже убрала их за спину, на лице отвращение, скорее всего, не к открытке, а к существу, которое способно называть себя котом. Я вернула открытку на место.

– Что ж, очень жаль, что вам ничего не известно о друзьях Юли, пара телефонных номеров очень бы облегчила поиски. Придется заглянуть в школу. Если Юля вернется или позвонит, дайте мне знать.

Я протянула ей визитку и пошла к двери, фотографию девочки я прихватила с собой.

– Я бы хотела встретиться с вашей домработницей, – ска-

зала я, точно зная, что ей это не понравится. Так и есть.

– Зачем? – тут же насторожилась она.

– Вдруг Юля ей что-то рассказывала? Может, кто-то звонил при ней или заходил?

– Проще сказать, вы намерены собирать сплетни о нашей семье, – посуровела дама.

Я позволила себе удивиться:

– Как же еще я найду вашу дочь?

Я уже была возле двери, когда женщина впервые проявила материнские чувства, она вдруг жалобно спросила:

– Как вы думаете, с ней ничего не случилось?

– Надеюсь, нет, – ответила я.

В машине я показала фотографию Сашке.

– Если хочешь знать мое мнение, на ее месте я бы тоже сбежала. Но дело есть дело. Давай заглянем к одной женщине. Она любит котов, возможно, и собак тоже.

Жила Валентина за рекой в частном доме, выглядел он довольно убого, зато красавец кот, что сидел на крыльце, был явно доволен жизнью. Я без труда узнала его, это он был на фотографии. На крыльце появилась женщина – наверное, услышала шум подъехавшей машины. Я поколебалась: стоит ли взять с собой Сашку или нет, и в конце концов оставила его в машине. Женщина показалась мне очень молодой, худенькая, в джинсах и бежевом свитере, светлые волосы собраны в хвост, лицо интеллигентное, симпатичное. Только подойдя ближе, я заметила морщинки возле глаз и носа, на

самом деле ей было лет сорок, может, даже больше.

– Вы Валентина? – спросила я.

– Да.

– А я Ольга. Ищу Юлю по просьбе ее родителей. – Я предъявила удостоверение, на которое женщина даже не взглянула.

– Заходите.

– Может быть, на крыльце посидим, раз погода отличная?

– Да, погода в самом деле... Что ж, здесь так здесь.

Мы устроились на ступеньках.

– Что с Юлей? – спросила она.

– Не знаю, – пожала я плечами, – но хотела бы выяснить.

– Ребенка нет пятью сутками, а они даже в милицию не заявляют. Как вы думаете, если я...

– Если вы пойдете в милицию, толку от этого не будет, но работы, конечно, лишитесь. Кстати, почему вы работаете уборщицей? Трудно поверить, что это ваша основная специальность.

Валентина улыбнулась и пожала плечами:

– Теперь основная. Я беженка, из Таджикистана. Муж меня бросил и прихватил деньги за квартиру, что мы там продали. Знакомые видели его в Москве, счастливым он вроде не выглядел. Мне, правда, тоже далеко до счастья. Жилье снимаю, моих денег только на это и хватает. На работу по специальности пока устроиться не могу, жду бумаги... Только вот дождусь ли... – Она опять улыбнулась. – Там я пре-

подавала в музыкальной школе.

– Фортепиано?

– Скрипка.

– Могу устроить вас в ресторан. Вполне приличный. И зарплата неплохая. С бумагами тоже решим.

Она недоверчиво посмотрела на меня.

– Да? – спросила она неуверенно. – Я что-то должна сделать взамен?

– Ответить на мои вопросы, но, думаю, вы на них в любом случае ответите, ведь вы беспокоитесь за девочку?

– Бедный ребенок, – глядя куда-то перед собой, с печалью сказала она. – Она ни разу не позвонила, и меня это очень беспокоит.

– Куда она обычно звонит? – Я сомневалась, что в этом богом забытом месте есть телефон.

– К себе домой, она знает, по каким дням и в какое время я работаю, трубку тоже снимаю я. Если мать рядом, я отвечаю «вы ошиблись». Конспирация... Юля ко мне часто приходит.

– Подождите, зачем же она в свою квартиру звонит?

– Если мамаша увидит, что мы разговариваем, ее инфаркт хватит. Я же прислуга. Поэтому Юля всегда сначала звонит, а если матери дома нет, прибегает домой. С уборкой мне помогает, чтобы было время поговорить без спешки.

– Действительно конспирация, – подивилась я.

– В понедельник я работала, а ее мать уезжала в Моск-

ву, Юля обязательно пришла бы или хотя бы позвонила, она ведь знает, что я беспокоюсь. А она не позвонила, и теперь я места себе не нахожу. Она такая доверчивая, вдруг что-то случилось?

– Для доверчивой девушки у нее неподходящая компания, – заметила я.

– Это точно. Не думайте, что она этого не понимает. Но так вышло, что настоящих друзей у нее нет, а человек, тем более ребенок, совсем один быть не может.

– Давайте поговорим об этом подробнее. Вы кого-то из ее друзей знаете?

– Только по Юлиным рассказам. Лучшая подруга Катя Савельева, они учатся вместе. У Кати мать умерла, отец женился второй раз, отношения с мачехой не сложились. Заводилой у них Света Коршунова, она старше. У Юли были друзья, когда она училась в обычной школе, но мать решила, что ей там не место, и перевела ее в частную. Наверное, хотела как лучше.

– Кот из прежних друзей или новых?

– С него-то все и началось, – вздохнула Валентина. – Он тоже учится в частной школе, только классом старше. Юля девочка стеснительная, а тут новые ребята, она никого не знает, а Кот обратил на нее внимание, стал ухаживать. На самом деле его Костя зовут, Ухтомский. Она, конечно, влюбилась. Возраст такой. А он оказался негодяем. Письма ее мальчишкам читал, хвастался интимной близостью, хотя ни-

чего такого не было. Это мы с вами понимаем, что все это ерунда, плюнуть на этого Кота и забыть, а ребенок разве нам поверит? Для нее это страшная трагедия. Тут подвернулась эта Света, ну и...

– Наркотой баловались?

– Слава богу, нет. В основном по улицам болтались. Портвейн пили для куража. Владик, конечно, самая настоящая шпана, гараж обворовали, избили кого-то. Со старыми друзьями Юля связь потеряла и очень боится, что останется совсем одна, вот и танцует под чужую дудку. Если бы у ребенка была мать, никаких проблем с девочкой не возникло.

– Мать у нее есть.

– Вы же ее видели. Видели?

– Имела счастье, – кивнула я.

– Неудивительно, что ребенку в подвале лучше, чем дома. Душа у меня не на месте, – с тоской сказала она. – Чувствую, случилось что-то. Найдите ее, пожалуйста.

– Я думаю, особенно переживать не стоит, – попробовала я успокоить ее. – Если бы что-то случилось, родителей уже известили бы. Она у подруг.

– Но пятые сутки...

– Загуляли на чьей-то даче, погода хорошая...

Не очень-то я сама в это верила, но и худшего не опасалась. Мобильный не отвечает, потому что подзарядное устройство дома лежит, а причина не являться домой может быть самой банальной, к примеру синяк под глазом и неже-

ление слышать в связи с этим мамины упреки. Хотя, если Валентина права, ей она позвонить просто обязана.

Я оставила визитку и простилась с женщиной. Сегодня мне девчонок все равно не найти, коли я даже их адресов не знаю, заеду завтра в школу.

Утро началось со звонка Якименко Федора Васильевича. Он извинился и спросил, есть ли новости. В голосе сквозило неподдельное беспокойство, однако когда я, сославшись на отсутствие новостей, предложила ему обратиться в милицию, он отказался наотрез. Стеная и охая, я отправилась под душ, потом погуляла с Сашкой и поставила его перед фактом: ему придется остаться дома. Совершенно не возражая, он пошел смотреть телевизор, видно вчера намучился. А я поехала в частную школу «Вдохновение», которая располагалась в бывшем детском санатории, в живописном месте у реки в черте города. Забор вокруг покрасили, а ворота снабдили табличкой «Частная школа «Вдохновение». Каждый ребенок уникален». Надо полагать, это их девиз.

Ворота были распахнуты, вдоль здания из красного кирпича вереница машин, представлены практически все известные фирмы от «Фольксвагена» до «Понтиака». Из машин выходили в основном подростки, но были дети и помладше, позже выяснилось, что сюда принимали детей, уже окончивших начальную школу. Детишки торопливо поднимались по ступенькам и исчезали за стеклянными дверями,

машины тут же отъезжали, так что я без проблем нашла место для стоянки.

Когда я вошла в здание, в нем царила тишина, уроки уже начались. Охранник у дверей подсказал мне, где находится учительская.

В учительской я застала даму лет пятидесяти, она в одиночестве пила чай. Увидев меня, расцвела приветливой улыбкой, но когда узнала, по какой я надобности, посуровела.

– Что вы от нас хотите? – спросила она раздраженно.

– Помощи, – удивилась я.

– Обратитесь к директору, – посоветовала она. – Я не вправе разглашать информацию об учениках.

Директор, дама примерно того же возраста, что и первая, поначалу, как и завуч, тоже была не вправе. Тогда я предложила им вместо себя бригаду следователей, которые побеседуют с каждым ребенком в отдельности, что займет несколько дней. Дама от такой перспективы пришла в чувство и завила, что она всецело в моем распоряжении.

– Юлия Якименко сегодня пришла в школу? – спросила я.

– Сейчас узнаю. – Она исчезла за дверью и вернулась в рекордно короткий срок. – Она отсутствует с понедельника, – сообщила эта деятельная дама еще с порога.

– Причина отсутствия вам известна?

Дама кашлянула, устроилась за столом и взглянула на меня с некоторым томлением.

– Конечно, мы еще в понедельник сообщили родителям...

Поймите, у нас особая школа... Наша система обучения и воспитания направлена на раскрытие индивидуальных возможностей ребенка, каждый ребенок для нас...

– Я видела табличку на воротах, – невежливо перебила я ее. – У вас частная школа и, судя по тому, что я успела увидеть, дорогая. По этой причине вы не желаете ссориться с родителями, потому детям здесь позволено то, за что из обычной школы их давно бы выперли.

– Ничего подобного, – возмутилась дама.

– Давайте вернемся к Юле. – Спорить с ней мне совершенно не хотелось. – Где, по-вашему, она может быть?

– Боже мой, но откуда же мне знать?

– Ее подруги сейчас в школе?

– Я вызову воспитателя, вам лучше поговорить с ней.

Она придвинула телефон, позвонила, и через три минуты в кабинете появилась еще одна дама. Эта была моложе. Отвечая на мои вопросы, она без конца косилась на директора.

– Савельева и Коршунова здесь? – спросила я.

Женщина, звали ее Зоя Петровна, кивнула и тут же показала головой:

– Коршунова здесь, а Савельевой нет.

– Давно нет?

– Со вторника.

– Вы их о Юле Якименко спрашивали?

– Да. Они ничего не знают.

– Почему Савельева отсутствует?

Директриса нервно перекладывала на столе бумаги, а Зоя Петровна напряженно следила за ее лицом, точно читала по губам.

– Мать позвонила, предупредила, что она заболела, – наконец сообщила она.

– Простуда? – не унималась я.

– Наверное. Я не уточняла.

– Вы с Коршуновой разговаривали?

– О чем?

– О том, что Юля с субботы не была дома, о том, что ее родители беспокоятся.

– Они не хотели поднимать шума. И эта девчонка все равно ничего бы не сказала.

– Ясно, – вздохнула я. – Тогда с вашего разрешения я поговорю с ней сама. Можно ее пригласить сюда и оставить нас наедине?

Обеим эта идея не понравилась. Однако директриса кивнула, и Зоя Петровна со всех ног кинулась выполнять поручение.

– В таком случае я тоже вас покину, – кашлянув, заметила дама, и я осталась в одиночестве.

Вскоре дверь распахнулась, и в кабинет вошла девица, выглядевшая моей ровесницей. Джинсы в обтяжку, большой бюст, который она старательно выставляла напоказ, длинные черные волосы уложены в замысловатую прическу, пенки для придания объема было потрачено столько, что голова

выглядела огромной, это создавало слегка комический эффект. Лицо с таким количеством косметики, что ее хватило бы на четверых.

– Привет, – сказала она насмешливо, видя некое недоумение на моем лице, и достала сигарету из пачки. – Покурю, раз уж вы меня с урока вытащили.

– А в школе это разрешается? – все-таки поинтересовалась я.

– Мне на их разрешение... Вы Юльку ищете?

– Ищу.

– Зря. Сама явится. Родители забеспокоились? Вот придурки... А вы кто, частный сыщик?

– Не смешите... Послушайте, сколько вам лет? – не выдержала я. Считается, что такие вопросы особям женского пола задавать не принято, но мне было наплевать на это, как Свете на школьные правила. Она засмеялась, видимо, моя растерянность ее забавляла.

– Восемнадцать.

– Но ведь вы учитесь с Юлей в одном классе?

– Точно. Просто у меня столько талантов, что они замутились их развивать. Начиная с пятого класса я сижу в каждом классе по два года. Мамаша решила, что здесь мне будет лучше, и запихнула сюда. Так и есть, из девятого перевели в десятый. Достижение. Потом в институт пойду. Ну, туда лет на двадцать как минимум.

– Вы знаете, где сейчас Юля? – настойчиво спросила я.

– Нет. – Она меня не убедила, хотя ответ звучал вполне категорично.

– Когда вы виделись в последний раз?

– В пятницу.

– Где?

– Здесь, в школе.

– А после школы?

– После школы не виделись. У моей бабки день рождения, и меня предки с собой потащили. Отбиться не удалось. Вернулись только в воскресенье. Все выходные насмарку. В понедельник Юльки в школе не было.

– Вы пытались связаться с ней?

– Ну... на дискотеку собирались, звонили на мобильный, она не ответила. Во вторник училка цеплялась, где Юлька, само собой, ей позвонили. Бесполезно.

– И вы даже не догадываетесь, где она может быть?

Девушка насмешливо скривилась:

– Да где угодно. К примеру, парня нашла или в Москву свалила, у нее там родня и подруга какая-то. Или просто зашла.

– Она что, много пьет?

– Нет, не много. Но иногда может надраться так, что ноги не носят.

– Значит, ничего не знаете, – вздохнула я.

– Ничего, – кивнула девушка.

– Не очень-то я в это верю.

– Я ничего не знаю. И отвалите. Ее папаша большая шишка, но и мой не лаптем щи хлебает, так что хрен вы меня достанете.

– Я и не собиралась. Просто хочу найти Юлю.

– Вот и ищите, – хмыкнула она, поднялась и вышла из кабинета. Продолжать разговор и у меня не возникло желания. Если она и знает, где Юля, то не скажет, а убеждать ее в том, что родители волнуются, напрасный труд.

Едва за девушкой закрылась дверь, как в кабинет заглянула директриса.

– Вы закончили? – спросила она с беспокойством.

– Да, благодарю. Мне нужен адрес Кати Савельевой.

Адрес я получила и поехала к ней. Звонить и предупредить о своем визите не стоило, если девчонка не захочет со мной встречаться (после разговора со Светой меня бы это не удивило), то, скорее всего, сбежит, а гоняться за ней по городу удовольствие небольшое.

Дом был попроще, чем тот, в котором жили Якименко, но тоже неплохой. Я набрала номер квартиры на домофоне и стала ждать. Дверь открыли, не спросив, кто я и что мне нужно. Пожав в некотором удивлении плечами, я поднялась на третий этаж и позвонила в дверь под номером семнадцать. Из-за железной двери не доносилось ни звука, сколько я ни прислушивалась. Я хотела позвонить еще раз, но тут дверь открылась, и я увидела девчонку с карими глазами и копной непослушных волос, они свивались кольцами и при

этом торчали в разные стороны. Я дала бы ей лет тринадцать, от силы четырнадцать, это могла быть не Катя, а ее младшая сестра, и я спросила:

– Катю можно увидеть?

– Вы кто? – испугалась девчонка и даже попятилась, но вдруг опомнилась и попыталась закрыть дверь, однако я ей этого не позволила. – Вы кто? – повторила она. – Я думала, мачеха вернулась, ключи забыла... Чего вам надо? Я вас не знаю.

Я достала из кармана удостоверение (похоже, у меня их действительно целая коллекция) и показала ей. Удостоверение ее отнюдь не успокоило, даже наоборот.

– Из милиции? Зачем? Что я такого сделала?

– Уверена, что ничего, – ответила я, нахально внедряясь в холл и закрывая дверь. – Где мы могли бы поговорить?

– В моей комнате, – пробормотала девочка и пошла, то и дело оглядываясь.

В комнате она устроилась на кровати, забравшись на нее с ногами, и уткнулась в подушку, которую прижимала к груди. Смотрела она не на меня, а куда-то в пол. Не дожидаясь приглашения, я устроилась в кресле.

– Я ищу Юлю Якименко, – сообщила я со вздохом. Девочка испуганно подняла голову.

– Я ничего не знаю. Я болею, я вообще из дома не выхожу.

Насчет болезни она говорила правду, вид у нее в самом деле был не очень. Лицо изможденное, а взгляд какой-то за-

травленный.

– Вы когда в последний раз виделись с Юлей? – спросила я.

– В пятницу. В школе.

– А после школы?

– После школы не виделись.

– Катя, не ври мне, ладно? – ласково попросила я. – Дело серьезное. Ее нет дома уже пятый день. Ты знаешь, где она?

– Нет, – вздохнув, покачала головой девочка, на этот раз я ей поверила.

– Тогда расскажи, что произошло в субботу.

Она не отвечала довольно долго, я не торопила ее.

– Я с парнем поссорилась, – сказала она.

– С Владиком?

Катя вроде бы удивилась, потом кивнула.

– Да. Мы хотели на дискотеку, а он с друзьями на рыбалку смылся. Я разозлилась.

– Он тоже в вашей школе учится?

– Нет, в двадцать пятой. Живет рядом, в одиннадцатом доме. Я его давно знаю. Мы... у нас серьезные отношения... Правда, что сейчас можно выходить замуж уже в четырнадцать? И родители не имеют права помешать?

– Я думаю, без согласия родителей в четырнадцать лет замуж выходить не стоит, – мягко заметила я.

– Мне скоро шестнадцать. Я хочу уйти отсюда. – Она вдруг заплакала, уткнулась в подушку, вздрагивая всем те-

лом. — Она меня ненавидит, она только рада будет...

— Это ты о мачехе? — Девочка кивнула, вытерла лицо ладонью и вновь устала в пол.

— Я всегда во всем виновата. Всегда.

— В чем, по ее мнению, ты виновата на этот раз? — осторожно поинтересовалась я. Катя опять испугалась, взгляд затравленно заметался, она облизнула губы и попросила:

— Ничего ей не говорите. Пожалуйста.

— Давай вернемся к субботе. Итак, Юля собиралась встретиться с подругой. С тобой?

— Да.

— Вы поссорились с Владиком...

— Поссорились. И у Юли было скверное настроение. Кот опять к ней цеплялся на перемене, шуточки отмачивал. Сви-
нья. Все они свиньи. Я их ненавижу. Если бы я могла... если бы у меня были деньги... я бы уехала далеко-далеко и всю жизнь прожила одна, завела бы собаку...

— Могу сообщить по секрету: это не так уж и весело, — заметила я, улыбаясь.

— Вы ничего не понимаете, — крикнула она в отчаянии и вновь собралась заревать.

— Как я могу понять, если ты ничего не рассказываешь? Кот цеплялся к Юле, дальше что?

— Ну, я ее уговаривала не расстраиваться. Позвала ее на дискотеку, а Владик смылся. Все они козлы. Козлы и эгоисты. Я их ненавижу.

– Не увлекайся... То, что ты их ненавидишь, я поняла, вот за что, пока не ясно. – Она вновь испугалась и начала прятать взгляд, а я продолжила: – На дискотеку вы пошли вдвоем?

– Да. В клуб «Марсианские хроники». Там обычно весело, а в субботу народу ни души, погода летняя, и все сдернули на природу. Надо было с Владиком ехать. Юля предложила выпить, раз танцевать не с кем. Мы выпили, а потом пошли домой.

– Сразу домой пошли?

– Погуляли немного.

– Где?

– В центре... Шли пешком.

– Тогда выходит, что гуляли довольно долго. От клуба до центра не близко.

– Ну, может, мы на такси ехали, я не помню.

– Мне придется поговорить с твоими родителями, – вздохнула я.

– Зачем?

– К примеру, чтобы выяснить, в котором часу ты вернулась домой в субботу.

– Я не помню. Правда. Мы вышли из клуба, прогулялись, потом поехали домой.

– Вместе с Юлей?

– Нет. Ей в другую сторону. Я уехала, она осталась на площади.

– На какой площади?

– Там, где банк, – буркнула девочка.
– Ты имеешь в виду площадь Победы?
– Ну... да... – Катя вдруг насторожилась, к чему-то прислушиваясь. – Мачеха пришла, – захныкала она. – Не говорите...

Тут дверь открылась и женский голос произнес:

– Катюша, я виноград принесла... – Женщина заглянула в комнату и с удивлением уставилась на меня. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, – кивнула я, разглядывая ее. Вот уж кто меньше всего походил на мачеху из детских сказок. Симпатичная молодая женщина с добрым лицом и лучистыми ярко-синими глазами. Смотреть на нее без улыбки было невозможно. Свободный брючный костюм не скрывал, что женщина вскоре станет матерью. Пока я придумывала, что сказать, Катя заявила:

– Это из милиции.

– Из милиции? – удивилась женщина. На ее лице появилось беспокойство. Я протянула удостоверение и пояснила:

– Юлия Якименко ушла из дома. Родители беспокоятся, не знают, где она. На звонки она не отвечает. Разумеется, они не заинтересованы в том, чтобы это событие стало достоянием гласности.

– Да, понятно. Катя, если ты знаешь, где Юлия, надо обязательно рассказать...

– Я не знаю! – истерически закричала девочка и с рыданиями уткнулась в подушку.

– Катя, успокойся, пожалуйста, – бросилась к ней женщина, но та отстранилась и принялась выкрикивать что-то бессвязное.

– Лучше ее оставить на несколько минут, – заметила я. Женщина неуверенно кивнула и первой вышла из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.